

АНАСТАСИЯ АРИСТОВА

С ТОБОЙ
СКВОЗЬ ВЕКА

18+

Анастасия Аристова

С тобой сквозь века

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73370673

SelfPub; 2026

Аннотация

Отчий дом Одри завоеван темным магом Дрэем. Она возненавидела его всей своей истерзанной душой за ту боль, которую он причинил ей. За кровь ее родителей, что багряным ручьем впиталась в каменные плиты. За стоны истерзанных пленников. За мрак, что он посеял в этом некогда прекрасном замке. В отчаянии она обратилась к единственной, кто ей мог помочь, – Богине Луноликой. Она молила ее – убить его. Молитва Одри была услышана, и словно из ниоткуда раздался женский голос. Он шептал о силе непостижимой и опасной, но также предупреждал и о цене, которую придется заплатить. Не колеблясь ни секунды, Одри приняла дар. Собрав в кулак остатки воли, она взглянула в глаза своего мучителя и произнесла проклятие. Дрэй рухнул замертво, и вместе с ним угасла и Одри. Казалось, это конец истории, но так ли это на самом деле?

Содержание

Пролог 1. Вальс душ	5
Пролог 2. Я не изменю своего решения	12
Глава 1. Крыса	18
Глава 2. Дар богини	24
Глава 3. Ты и дальше им позволишь насмехаться над тобой?	30
Глава 4. Очень важно уметь отвоевывать свое	33
Глава 5. Тайна	37
Глава 6. Темный правитель	46
Глава 7. Время пришло	53
Глава 8. Ну, в путь...	62
Глава 9. Плен	67
Глава 10. Незнакомец	72
Глава 11. Немного тепла и света	78
Глава. 13. Я не позволю надругаться	85
Глава 14. Меня зовут Одриан	90
Глава 15. Я спасу тебя	94
Глава 16. Бежим!	100
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Анастасия Аристова

С тобой сквозь века

Страх – единственный настоящий враг, порожденный невежеством и являющийся причиной гнева и ненависти
(Эдвард Альберт)

Проклятая душа, или с тобой сквозь века

*Мы вальс души танцуем вновь,
Где страсть, надежда и любовь.
В безумном вихре мы кружим,
Зачем, не знаем, но горим.
Зачем сплетаем наши сны?
Зачем друг другу так нужны?
Но вальс неистовый звучит,
И сердце от любви стучит.
В соизволение, в благодати,
Мы кружим, чтоб себя познать.*

Пролог 1. Вальс душ

Ашвардия

Он вернулся. Во двор въехал всадник, весь облаченный в тяжелые черные доспехи, за ним следовал его отряд. Из-за шлема лица его не было видно, но все и так знали, кто перед ними – темный маг Дрэй. Его мощь и ярость были так велики, что его зачарованный меч всегда пылал темным пламенем. Поговаривали, что в маге давно уже нет души, а лишь тёмная энергия, несущая насилие и разрушение.

Вслед за магом, еле переставляя ноги, в кандалах шли пленные. Израненные и измученные, они оставляли за собой кровавый багровый след, тянувшийся от самых ворот. Со стороны могло показаться, что повелитель привел их, чтобы допросить и, возможно, в дальнейшем обменять на наших пленных. Но это было не так! Целью этого изверга были мучения людей и смерть. Зачем ему налаживать мирные отношения, если можно всех уничтожить? Он был беспощаден.

Дрэй спешил, и тяжелый звук его брони эхом разнесся по притихшему двору. Послышались отрывистые команды. Пленников привязали к столбам и окатили ледяной водой. Я отвернулась, не желая быть свидетелем этого зрелища. Не понимала тех, кто с жадностью наблюдал за проис-

ходящим во внутреннем дворе. Что заставляет людей наслаждаться чужой смертью?

Я перевела взгляд на рядом стоящую беременную женщину. По её щекам текли безмолвные слезы.

– Селия, ты как?

– Воды отошли, – прошептала она, едва шевеля губами.

Я кивнула и непроизвольно опустила взгляд на её ступни. Обувь на ней не было, а пальцы на ногах покраснели – замерзли. Прежде я бы погнала её обуться, но сейчас это уже не имело значения. Если после родов женщина останется в живых, ее агония в этом замке продолжится, но лучше бы смерть – она была бы для нее избавлением.

– Пойдём, я помогу тебе лечь и вскипячу воду.

Войдя в комнату, я бросила взгляд вокруг, стараясь не замечать паутину, облепившую стены, и запыленные занавеси. Этот замок погряз в хаосе и беспорядке, а ведь он мой. Моя собственность! Когда мой отец был жив, здесь всегда царили чистота, уют и тепло. Да, у папеньки был непростой нрав, он нередко поднимал руку на меня и мать. Но слуги знали свое место, и он не злоупотреблял наказаниями. Но явился этот злодей и лишил отца жизни. Мать, не пережив потери, умерла следом. Таким образом, Дрей лишил меня родителей.

Я уложила Селию. Прошла в смежную комнату. Из большой бочки набрала воды в чайник и, вернувшись в спальню, поставила его на магические греющие камни. Села на стул и посмотрела на роженицу. Она безмолвно смотрела в пото-

лок, по её щекам все также текли слезы. Селия пришла к нам в замок вместе с Дреем два месяца назад. Скрытная, немного нервная, я так и не смогла подружиться с девушкой. Видимо, жизнь с Дреем повлияла на нее. Не мудрено, я как представляю, что темный маг делал с этой несчастной... А ведь и меня это ожидает, мне даже странно, что я до сих пор оставалась невинной. В глазах темного я часто видела вождение при взгляде на меня. При воспоминании этого образа меня перередило.

– Как же я его ненавижу, – пробормотала я, утопая в горечи. – Ненавижу всем сердцем. И откуда он вообще взялся?

– С северных земель. Убил моего Лукаса. Тот хоть и бил меня, но я его любила. А чего ожидать от этого? – в голосе Селии слышалась злость.

– Да мне все равно откуда! Что самое важное – такие, как он, просто не должны жить, не должны существовать!

– Не нам решать, Одри. – неожиданно для меня смягчившись произнесла Селия и поморщилась, видимо ощутив боль от схватки.

"Да, не нам," – с сожалением согласилась я про себя, но как же сильно я желала его исчезновения. Я погрузилась в пучину мрачных воспоминаний. В памяти всплывали картины счастливого детства с родителями, представлялось светлое будущее, которого меня лишил он. Снова и снова я погружалась в бездну отчаяния, вызванного его присутствием. Он отнял жизни моих родителей, надругался над моим зам-

ком. Слезы ручьем потекли по моим щекам. За что?! В порыве отчаяния я вскочила и подошла к окну.

Громкий протяжный стон Селии огласил комнату. Я заметила, что солнце начало склоняться к горизонту, а ведь когда отошли воды, было раннее утро. Я и не заметила, как прошёл день. Еще один громкий крик девушки. Я подошла и посмотрела на неё:

– Ноги согни, так будет легче. – произнесла твердо, но при этом не ощущая уверенности в своих словах.

Приподняв край одеяния, я попыталась рассмотреть. Ребенка не было видно. Прикоснулась ладонью к животу Селии, он был напряженным, твердым, словно камень. Я была беспомощна в этом, совершенно не разбиралась и не знала, как помочь. Повитух в замке сейчас не было, Дрэй выгнал всех, обозвав бесполезными тварями. В голове промелькнула мысль, что он вообще смотрит на женщин с презрением, как на какую-то грязь под его ногами. Ни во что не ставя.

В коридоре раздались тяжелые шаги, дверь с грохотом отворилась, и в комнату вошел наш мучитель. Я смотрела на него и думала о том, что я ненавижу в нем все: его громадный рост, темные волосы, стянутые в хвост, бездонные черные глаза, губы, искривленные в насмешливой гримасе. Ненавижу! Единственное, что не вызывало отвращения, – это уродливый шрам на его левой щеке. Он был похож на след от ожога, будто к коже приложили что-то раскаленное и большое. Шрам был ужасен. Кто мог так изуродовать его?

Он скользнул цепким взглядом по комнате и с отвращением процедил:

– Все никак не разродится. Неудивительно, чего еще ждать от вас, бесполезных баб. Ты, – он указал на меня, – Иди в мои покои, скоро буду.

Понимая, что ничего не могу изменить, я направилась к двери, но тут раздался душераздирающий крик. Я обернулась. Маг склонился над Селией и грубо давя ей на живот пытался буквально выдавить ребёнка из тела матери

– Заткнись! – рявкнул темный маг и отвесил женщине звонкую пощечину, затем в его руках материализовался темный кинжал.

Я отвернулась, не в силах смотреть на это, и бросилась прочь. Громкий, надрывающий душу крик, за которым последовал еще один. Сама не поняла, как оказалась в его покоях. Обессиленная от переполнявших меня чувств, я опустилась на колени. Как же тяжело, невыносимо!

– За что ты так с нами, богиня Лунолика? Зачем ты послала нам его? Я ненавижу его! Если бы у меня была сила, я бы убила его. Такие, как он, не должны жить, – яростно шептала я, осознавая свое бессилие.

– У тебя есть эта сила, – неожиданно раздался женский голос. Сначала я подумала, что мне показалось, но голос продолжил: – Но готова ли ты использовать ее и нести ответственность? Слова, произнесенные тобой, коснутся и тебя, ты последуешь за ним и поделишь все то, что уготовано ему,

но при это будешь помнить все.

Похоже, я действительно схожу с ума от всего пережитого, раз начала слышать, то чего нет. Наверное, но мне было все равно.

– Я готова. Такие, как он, не должны жить, – тихо произнесла я. – Не должны, – повторила я еще раз, понимая, что говорю сама с собой.

– Пусть будет так. Да воплотятся слова, идущие из глубины твоей души, произнеси их глядя в душу, смотря в глаза тому, кого столь ненавидишь.

Я кивнула и встала, подошла к окну. Я была уверена в своем решении. Пусть это безумие, но я буду честна перед собой. Мне все равно, что будет потом, наверняка он меня убьет. Так даже лучше. Я больше не хочу страдать. Приняв решение, я вытерла слезы, расправила плечи и приготовилась ждать. Через несколько минут послышались ненавистные шаги, и Дрэй вошел в спальню.

– Я рада тебя видеть, – произнесла я неожиданно для себя, но это было правдой. Наконец-то я смогу высказать все, что накопилось у меня в душе.

Мужчина, казалось, никак не отреагировал, лишь приблизился ко мне, но я заметила, как в его черных глазах вспыхнул интерес, а правый уголок губы дрогнул и приподнялся в кривой усмешке. Уставившись на него, мгновение, я не могла отвести взгляда. В тёмных как ночь волосах две белесых прядки. Их вроде не было у него. Да и на вид он показал-

ся мне уставшим, даже измученным. Какая разница, у меня есть определенная цель. Сердце в груди неистово билось, но не обращая на это внимание, я произнесла:

– Я тебя ненавижу, Дрэй, – произнесла я, не отрывая взгляда от его жутких черных глаз. – Ты убийца, дьявол во плоти! Такие, как ты, не должны жить. Я хочу, чтобы ты сдох! Проклинаю тебя, сдохни!

Я видела, как от ярости его ноздри раздулись, а лицо покраснело. Сжавшись, я приготовилась к боли. Но неожиданно маг пошатнулся и рухнул на пол бездыханным. Не успела я ничего сообразить, как почувствовала, что задыхаюсь, в глазах потемнело, и я, подобно Дрэю, упала на пол. Мы умерли в один день. Если бы кто-нибудь вошел сейчас в спальню, то увидел бы, как, кружась вокруг друг друга, два маленьких золотых шарика поднимаются вверх, танцуя свой вальс душ.

Пролог 2. Я не изменю своего решения

Грамм

Столетия спустя

Я полагала, что достигла пика счастья. Жизнь моя была настолько благополучной, что казалась нереальной. У меня было все: просторный дом, устроенный быт, послушные слуги. До этого момента я верила в безоблачное будущее, но, видимо, заблуждалась.

Лежа в постели, я повернула голову к окну. В этот яркий солнечный день появилась на свет моя дочь. Мой взгляд скользнул к лежащему рядом свертку. Ребенок тихонько посапывал. Логично было бы ощущать себя самой счастливой, но я не испытывала желания даже прикоснуться к ней. Я знала наверняка, что не смогу полюбить ее, ведь она – это он. У новорожденной девочки на щеке алело огромное родимое пятно, подобное тому ожогу, что был у него. А глаза ее были пугающе темными, как у него. Я узнала его, вспомнила. Он преследовал меня в кошмарах, терзал. Я понимала, что это отголоски одной из наших прошлых жизней. И сейчас я не понимала, как могу принять этого ребенка, зная, что она –

это он.

Тихий стук, и в комнату вошли мой муж и его мать. Я была рада их видеть. Моя свекровь, будучи ведьмой, была мудрой женщиной. Она всегда поддерживала меня и давала ценные советы.

– Дорогая, – мой любимый подошел ближе и сел на стул рядом с кроватью. Осторожно коснулся пальчиков дочери, потом посмотрел на меня с любовью в глазах, – она прекрасна. Спасибо тебе, Одри.

От его слов сердце мое сжалось, она не прекрасна – она ужасна.

– Знаешь, – продолжил он, – я хочу, чтобы мы назвали ее Дрэйей.

Я почувствовала, как от его слов мои ладони непроизвольно сжались в кулаки. Это имя... Я не смогу, я не хочу ее воспитывать. Никогда я ее не люблю.

– Я не..., – начала я тихо, пытаюсь подобрать слова, но в голову не приходили фразы, которые могли бы смягчить то, что я собиралась сказать. – Я не хочу ее. – выдавила я из себя. – Она мне не нравится. – Я замолчала, наблюдая за тем, как медленно сдвигаются брови мужа на переносице. – Валенсия, – обратилась я к свекрови. – Я знаю, ты мудрая женщина. Забери ее, воспитай ее вместо меня. – Мне было не по себе от взглядов, которыми меня сейчас одаривали столь близкие люди.

– Хорошо, – уверенно произнесла ведьма, – я воспитаю.

Но знай, если захочешь, ты всегда можешь передумать.

– Я не изменю своего решения, – сказала я твердо.

После этих слов воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим сопением Дрэйи. Муж молча поднялся и вышел из комнаты, его плечи поникли. Я чувствовала его разочарование, его боль, но ничего не могла с собой поделать. Страх перед прошлым был сильнее любви к настоящему.

16 лет спустя

Время текло, словно темная река, унося вдаль годы, а Дрэйя росла под крылом Валенсии. Я отчаянно силилась изгнать ее образ из глубин сознания, но тщетно. Каждый раз, когда на горизонте маячил девичий силуэт, сердце болезненно сжималось в ледяных тисках противоречивых чувств – вины и... отвращения? И возможно чего-то еще, чему я не могла дать имя, или не хотела.

Вот и сейчас я стояла, словно окаменев, перед помещьем, где шестнадцать лет назад родилась Дрэйя, и не решалась переступить порог. Зачем я здесь? Моей семьи больше нет. Спустя всего лишь год после рождения дочери моего любимого не стало. Он ушел на войну, бросив напоследок слова, отравившие мне душу: “отказавшись от Дрэйи, ты предала меня. С предательницей я жить не могу.” Я осталась одна.

Шестнадцать лет в ледяном одиночестве – и все из-за нее, из-за той темной души, что возродилась в моей дочери. И сейчас, придя сюда, я хотела лишь одного – укрепиться в своей правоте, убедиться, что поступила верно, отвергнув ее.

На мой тихий, робкий стук дверь отворил дворецкий. Но не успела я произнести просьбу о встрече с миссис Валенсией, как она, проходя мимо гостиной и заметив меня, озарила лицо лучезарной улыбкой и радостно воскликнула:

– Одри, девочка моя! Как я рада тебя видеть! Проходи, проходи же!

Я вошла в просторную, утопающую в свете гостиную.

Валенсия выглядела превосходно. Время, казалось, не властно над ней. Та же лучезарная улыбка, та же доброта в глазах.

– Присаживайся, – предложила ведьма с материнской теплотой в голосе.

– Что привело тебя, дорогая? – спросила Валенсия, присаживаясь напротив меня. – Ты совсем не изменилась. Такая же красавица, как и прежде.

Я не знала, с чего начать. Все мои тщательно подготовленные слова вылетели из головы.

Я... Я хотела увидеть Дрэйю, – наконец выдавила я.

Валенсия на мгновение помрачнела, но тут же вновь озарила меня мягкой улыбкой. – Конечно, Одри. Дрэйя сейчас в саду, занимается с учителем фехтования. Она очень увлечена этим. Пойдем, я провожу тебя.

Мы вышли через стеклянную дверь в цветущий сад. Ароматы роз и жасмина окутывали нас, но я чувствовала лишь нарастающую тревогу. В конце аллеи, под сенью старой ивы, я увидела ее. Дрэйя.

Она была высокой, стройной девушкой с длинными темными волосами, заплетенными в косу. В ее движениях чувствовалась грация и сила. Она отбивала удары учителя с легкостью и уверенностью, в каждом выпаде читалась неукротимая воля. Я смотрела на нее и не могла отвести взгляд. В ней не было ничего от моего покойного мужа, но и моей она не была. В ее темных глазах я видела лишь отблеск чего-то чуждого, пугающего.

– Наша Дрэйя оказалась темной ведьмой. Это очень необычно. В детстве с ней было не просто. Смерть так и ходила рядом с ней. Любая сильная эмоция могла навредить живущему в этом доме.

– Она кого то убила? – мой голос дрогнул.

– Нет, – ответила она тихо. – Никого не убила. Но были случаи... непростые. Когда она теряла контроль, случались несчастные случаи. Предметы ломались, животные заболевали. Но я всегда успевала предотвратить худшее. Скажи, шестнадцать лет назад ты испугалась ее тьмы, поэтому отказалась от нее?

– Да, – прошептала я, – я испугалась. Я не смогла бы вырастить ее. Я боялась, что она причинит кому-нибудь вред, что она... что она станет чудовищем.

Валенсия вздохнула, ее взгляд был полон сочувствия:

– Ты поступила так, как считала нужным. Я понимаю. Но Дрэйя – не чудовище, Одри. Она – сильная, одаренная девушка. Она учится контролировать свою силу, направлять ее во благо.

Я продолжала смотреть на девочку, которая сейчас, закончив тренировку, о чем-то оживленно беседовала со своим учителем. В ее смехе не было ничего зловещего, в ее взгляде – ничего пугающего. Но я все равно не могла избавиться от ощущения, что передо мной – он, тот самый монстр, который истязал меня во снах. Возможно, я ошиблась? Нет.

– Валенсия, извините, – произнесла я негромко, развернулась и чуть не бегом покинула дом, чтобы больше никогда в него не возвращаться.

Глава 1. Крыса

Ещё столетия спустя

Грамм

Одриан

Крыса. Я смотрел на зажатое в капкан животное и не мог в это поверить. Почему, ну почему в мои силки раз за разом попадают лишь крысы? Это несправедливо! Я с силой сжал ладони в кулаки, пытаюсь сдержать эмоции. Мальчики не плачут. Мужчины тем более. Они добытчики, кормильцы, а я... Не удержавшись, я с силой пнул силок со зверем внутри, который бессмысленно отдал свою жизнь в этой конструкции. Тот, отлетев, ударился о дерево, но не сломался. Крепкий, делая его, я приложил все усилия, вложил все умение, но почему в нем снова лишь крыса? Хмурясь, не понимая, как так получается, я осмотрелся вокруг. Снег в лесу еще покрывал почву. Белый саван всюду укрывал лес. Зима цепко держалась за свои права, не желая уступать место робкой весне. А поселению нужна еда, а я опять вернусь с пустыми руками. Громкий смех, хруст снега под тяжелыми шагами. Я знал, кто идёт сюда, мой младший брат Старольд. Неприятная дрожь пробежала по телу.

Я не стал убегать, хотя знал, что ничего хорошего от него

ожидать нельзя.

Завидев меня издалека, смех прекратился, слышались громкие слова:

– Ну что, крысолов? – прогремел голос Старольд, его широкое лицо расплылось в насмешливой улыбке, а взгляд, как всегда, был полон превосходства. – опять крысу поймал? Небось, и жрать ее будешь?

Сгорая от стыда, я молча отвернулся. Старольд знал, как задеть меня за живое. Конечно, он сильный, ловкий, умелый охотник, а я... Я всегда был лишь тенью брата, тем на кого можно безнаказанно вылить всю свою злость и разочарование.

– Отец опять будет недоволен, – продолжал издеваться Старольд, приближаясь ко мне. – Всю зиму прохлаждался, а теперь, когда еда на вес золота, ловишь крыс. Может, тебя самого в капкан посадить, а, крысолов?

Он грубо схватил силок и принялся его осматривать. Я почувствовал волну бессильной ярости. Хотелось вырвать его из рук, ударить, заставить замолчать, но я знал, что не смогу. Старольд сильнее меня, это доказывала и та добыча, что я видел сейчас в его руках: три зайца и пять перепелов. Настоящий охотник.

Ком обиды подкатил к горлу, сдержать стон отчаяния было почти невозможно.

– Чего вылупился на мою добычу, ничтожество? Не смей даже смотреть в ее сторону! – прошипел брат, в два прыжка

оказавшись рядом и грубо припечатав меня спиной к шершавой коре дерева. – Я! Только я достоин стать старейшиной! Во мне сила, магия течет по венам, а ты...

– А я старше, – произнес холодно и спокойно, хотя в душе царила какофония из эмоций, и страх в этом хаосе чувств был слышен сильнее всего.

– Ты? Никогда, пока я жив! Не бывать тебе старейшиной! – в следующее мгновение меня окутало ослепительное, но безболезненное белое сияние.

– Так-то лучше, – презрительно хмыкнул братец. И тут же я ощутил прикосновение ледяного ветра к оголенному телу. Своей магией Стар испепелил всю мою одежду.

Я стоял, прижатый к дереву, униженный и беззащитный, а смех Стара резал слух, словно осколки стекла. Он торжествовал, наслаждаясь моей беспомощностью. Ярость, клоко-тавшая внутри, требовала выхода, но я знал, что сейчас это будет равносильно самоубийству. Ощущение собственного бессилия давило на грудь, заставляя сердце бешено колотиться. Сглотнув ком обиды, я постарался выпрямиться, демонстрируя хоть какое-то подобие достоинства. Холод пронизывал до костей, но я не позволил себе дрожать. Пусть Стар видит, что сломить меня не так-то просто.

– Зачем тебе это, Стар? – спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно. – Разве недостаточно того, что ты сильнее? Разве тебе нужна еще и моя смерть, чтобы доказать свое превосходство?

Его усмешка стала еще более зловещей. — Мне нужно все, — прошипел он, приближаясь ко мне. — Все, что принадлежит тебе, и все, чем ты можешь стать. Ты — моя тень, мой вечный соперник. Я уничтожу тебя, и никто в Грамме и не вспомнит о тебе, сотру, чтобы больше никогда не видеть в твоих глазах этого... презрения.

— Идемте, — процедил он, отступая и бросая на меня взгляд, полный злорадства.

Несколько секунд я стоял, пытаюсь осознать произошедшее. Как он посмел? Отец не раз повторял, что арена — единственное место для кулаков и магии. Но это... это не драка. Это унижение. Он знает, что мне даже рассказать об этом будет стыдно.

Интенсивно растерев себя руками, двинулся в сторону дома. Каждый шаг давался с трудом, словно я тащил на себе груз стыда и обиды. В голове пульсировала лишь одна мысль: как проскользнуть незамеченным? В конюшне есть пальто конюха, он оставляет его там прозапас, вспомнил я. До неё идти было недалеко, она располагалась на окраине фольварка. Я ускорил шаг, переходя на бег. Ворвавшись внутрь, я замер, прислушиваясь. Тишина. Мне повезло, здесь никого не было. Но, пройдя вглубь помещения пальто я не обнаружил, на его месте оказался маленький светящийся огонёк — привет от брата. И здесь он опередил меня. В горле застрял ком обиды, но, сжав кулаки, я отчаянно пытался унять дрожь, подавить рвущиеся наружу слезы. Мальчики не пла-

чут. В отчаянии я окинул взглядом конюшню. Тюки сена, конская утварь, мешки... Да, единственное чем я мог сейчас прикрыться, – это мешком. Найти нож в конюшне не составило проблем. Сделав надрезы для рук и головы и смирившись с тем, как я выгляжу, пошёл домой.

Унылый ветер, пронизывал мою грубую защиту. Каждый шаг давался с трудом, заледеневшие пальцы отказывались чувствовать. Деревья вокруг, окутанные сумраком, напоминали призраков, безмолвных свидетелей моего позора. Чем ближе я подходил к дому, тем сильнее билось сердце. Я знал, что меня ждет. Гнев отца, разочарование матери, насмешки братьев – все это давило на плечи тяжелым грузом. Но самым страшным было собственное ощущение беспомощности. Я хотел быть сильным, достойным наследником, но вместо этого раз за разом совершал ошибки.

Собравшись с духом, я толкнул дверь и вошел. В кухне воцарилась тишина. Все взгляды были устремлены на меня. В глазах отца я увидел не гнев, а лишь усталость. Мать, прикрыв рот рукой, тихо ахнула.

– Сын, – окликнул меня отец, но я лишь прибавил шаг.

Проносясь по лестнице, ворвался в свою комнату. Я хотел лишь одного: нырнуть в постель, согреться и забыться сном, но, распахнув одеяло, замер. Вся она была покрыта коркой льда.

– Братья, – выдохнул я. Магией они заморозили её. Ярость заклокотала в моей душе. Да, сколько же можно? Я же жи-

вой! Мне было обидно за себя и за то, что я слабый. Я никогда не смогу дать им отпор, они всегда будут насмехаться надо мной.

Пока шел домой, ярость постепенно уступила место отчаянию. Как я мог допустить такое? Почему не могу защититься? Отец, наверное, разочарован. Он всегда говорил, что настоящий воин должен уметь постоять за себя.

Звериный рык сорвался с губ. Ослеплённый яростью, я рванулся к полкам с одеждой. Одеваясь, понял, что не хочу оставаться здесь. Выбежав из комнаты, ринулся на улицу. Бежал, не разбирая дороги, пока ноги сами не привели меня к подножию храма богини Луноликой.

*Фольварк – несколько поселений в управлении одного хозяина варка.

Глава 2. Дар богини

Одриан

Храм возвышался над фольварком, словно безмолвный страж, его белые колонны мерцали в свете луны. Я поднялся по ступеням. Двери храма были открыты, и я, не раздумывая, вошел. Внутри царил полумрак, в воздухе витал тонкий аромат ладана, успокаивающий и умиротворяющий. Но это все не помогало, в моей душе клокотала обида. Я прошел к центру храма, где возвышалась огромная статуя Луноликой богини. Ее лицо было исполнено неземной красоты и мудрости, а глаза, казалось, смотрели прямо в душу.

– Лунолика! Великая Богиня, дарующая жизнь! Почему я не такой, как они? В чем смысл моей жизни? Для чего я пришел в этот мир? Каково мое предназначение? – раздалась череда моих вопросов эхом в тишине храма.

Я жалобно всхлипнул и медленно опустился на холодный пол. Моя голова печально повисла, по щекам покатились крупные капли. Я сидел, обессиленный от своего горя, и даже звук падающих на камни слез не волновал меня. Наконец я поднял свою поникшую голову и посмотрел на полную луну. Её хорошо было видно в узких окнах, расположенных под потолком. Голубоватые лучи серебристой дорожкой проходили через них, падая возле моих ног.

“Все они считают, что я буду бесполезен в этом мире, – думал я. – Все! Даже отец! А я не виноват, что во мне нет магии!”

– Так не честно! – в отчаянии выкрикнул я и со всей силы ударил кулаком о каменный пол.

Сквозь плотно сжатые зубы вырвалось шипение от боли, следом рык и снова восклицание:

– Не честно! – голос, отразившись от стен, разнесся по всему залу.

– Что не честно? – послышалось неожиданно из ниоткуда. Вздвогнув, я напрягся, не ожидая услышать кого-либо в столь поздний час.

– Кто здесь? – я резко встал, сжимая ладони в кулаки и готовясь защищаться от чего угодно.

– Это я – та, к которой ты так жалобно взывал, твоя Богиня. Ты же звал меня?

Я еще раз громко всхлипнул и провел кулаком по щеке, утирая слезы, не хватало, чтобы их кто-то увидел:

– Я не верю, это все снова проделки ребят!

– Странно, – ответил задумчиво женский голос. – Чего же ты взываешь, если не веришь?

Неожиданно в храме загорелся свет: на верхнем ярусе зажглись все свечи одновременно, озаряя каменные стены зала.

– И сейчас не веришь?

– Нет, это обычная магия.

– Обычная магия, – пропел голос, вторя мальчишке, усмехаясь, – какой ты забавный. – И добавил уже серьезно, – но вместе с тем я вижу в тебе храбрость, Одриан.

– Откуда ты знаешь мое имя? – хлопая глазами, спросил я.

– Я наблюдаю за тобой с твоего рождения, – произнес голос, и загадочно добавил, – а может быть, и раньше. Как ты правильно сказал, ты не такой, как они. Ты справедливый, добрый. В тебе есть сила духа. И мне понравились вопросы, которые ты задавал здесь, поэтому я покажусь тебе.

В лучах голубоватого лунного света зародилась маленькая золотая звезда. Она начала потихоньку увеличиваться, переплетаясь с сиянием луны. Еще мгновение – и передо мной стояла прекрасная девушка. От нее исходил золотистый приятный свет. У ее ног сидела собака. Точнее нет, для собаки этот зверь был слишком велик, это был волк. В левой руке она держала факел, поднимая его над головой, а в правой – длинное копьё, наконечник которого устремлялся ввысь. Платье ее, словно сотканное из золота и серебра, лежало мягкими складками и красиво очерчивало фигуру. Ее легкие светлые локоны обрамляли нежное лицо, голову венчал полумесяц.

Я замер в изумлении от такого ослепительного великолепия.

– Ну, а теперь? Веришь? – в голосе Богини звучали веселые нотки.

– Не знаааю, – в сомнении протянул.

Богиня громко расхохоталась:

– Какие же вы странные, люди! – она подошла ко мне чуть ближе, – ну что, расскажешь мне, в чем твое горе? Если да, я тебе помогу, а нет – уйду и больше никогда не откликнусь на твой призыв.

– А ты правда Богиня? – тихо, не веря своим глазам, произнес я.

– Да.

– Лунолика?

– Да.

Мгновение – и я уже стоял на коленях. Пусть я буду выглядеть глупо, если это снова розыгрыш ребят. Я понимал, если это действительно так, надо мной просто в очередной раз посмеются. Это не будет значить ровным счетом ничего. Но если же это Богиня! В глубине моей души теплилась вера, и я начал свой рассказ. Поведал о том, что родился старшим сыном в семье великого правителя и однажды вынужден буду принять престол.

– Но.. во мне нет магии, нет ее совсем. Отец разочарован, все надо мной смеются. – закончил я.

– То есть у тебя есть семья, дом, еда, но тебя никто не воспринимает всерьез? – уточнила Лунолика.

– Да, я недостойный, я не такой, как они, – еле слышно, сжимая вспотевшие ладони в кулаки, произнес я.

– Я тебя поняла, – сказала Лунолика твердо. – Посмотри на меня, Одриан! Если ты не такой, как все, не значит, что

ты недостойный. Это значит, что ты уникальный, особенный, выдающийся, исключительный!

Я поднял голову, устремляя взор на Богиню, в его глазах блеснула надежда.

– Я подарю тебе кое-что. Но ты должен обучиться и соблюдать одно важное правило. Ты согласен?

Я закивал, очень уж хотелось быть под стать своему роду. Богиня молчала. Пауза затягивалась, ничего не происходило. Не выдержав, я спросил:

– Что, что ты мне подаришь? Я ничего не вижу!

– А ты закрой глаза, загляни в себя.

Я так и сделал. Перед моим взором возник небольшой волк. От неожиданности я резко открыл глаза.

– Что это?– ошеломленно произнес.

– Это твой зверь. Он будет помогать тебе. Слышать его – это слышать себя. Он – часть твоей души. Он – твоя мудрая половина. У вас с ним одно тело на двоих, ты сможешь превращаться в него. А еще ты станешь сильнее, выносливее и будешь жить намного дольше. Твой род отныне будет наследовать эту особенность. Но, – Богиня сделала паузу, – если ты перестанешь прислушиваться к своему зверю, он станет слабее и исчезнет. Слушай его и все у тебя получится!

Смятение поднялось в душе, я ничего не понимал.

"Верь Луноликой, она плохого не посоветует", – раздался незнакомый голос в моем сознании. Он звучал по-звериному грубо, с рычанием.

Я кивнул, пытаюсь принять происходящее.

– Молодец, – улыбнулась Богиня, – а теперь я возьму с тебя клятву. Клянись, что будешь верно служить всем народам мира Грамм: людям, магам и тем, в ком появится зверь. Будешь справедливым и беспристрастным, решительным и терпеливым, мужественным и ответственным правителем.

– Клянусь! – не задумываясь, выпалил я.

По моим запястьям заструился магический лунный свет. Когда же сияние развеялось, я обнаружил рисунок на своих руках. Их обвивали стебли неизвестного мне растения.

Также Богиня рассказала, что полюбить я смогу лишь раз и ту, которая мне предначертана.

– Зверь подскажет, кто эта девушка, волк не ошибется, – уточнила Луноликая, – ее душа будет родственна твоей, вам будет хорошо вместе, вы будете дополнять друг друга. Но это позже. Сейчас тебе надо вырасти и стать достойным и благородным правителем этих земель. Приходи сюда снова в следующее полнолуние, я помогу тебе обернуться в твоего зверя. А сейчас мне пора. И не забывай слушать его.

Глава 3. Ты и дальше им позволишь насмехаться над тобой?

Одриан

Вернувшись домой, я обнаружил всё ту же промерзшую кровать. И что же мне делать? Уныло оглядев комнату, я вновь ощутил, как апатия медленно, но верно окутывает меня. За окном завывал ветер, вторя моей внутренней тоске.

Едва я собрался стащить одеяло и устроиться на полу, как в голове зазвучал голос волка. Я вздрогнул еще не привыкнув к нему:

– “Неужели ты и дальше позволишь им глумиться над собой? Разве ты не чувствуешь этой вопиющей несправедливости?”

– “Но что я могу сделать?”

– “Я слышу, как семья не спит, братья и родители внизу. Возьми свой матрас и отнеси его тому, чья магия это сотворила, а его матрас заведи себе.” – голос волка звучал спокойно.

Я с сомнением посмотрел на кровать. Если Нейл обнаружит подмену... начал размышлять я, но не успел додумать, так как зверь перебил мои размышления.

– “Что тогда? А ничего, он не пойдет жаловаться отцу, ведь на матрасе его собственная магия. Вне поля боя использовать магию запрещено. Чего же ты боишься, Одриан?”

– “Он отомстит.”

– “Ха! Боишься испортить с ним отношения? Как будто сейчас он добр к тебе, и всегда на твоей стороне? Проснись, Одриан! Пока ты не дашь отпор, это будет продолжаться вечно.”

Тяжело вздохнув, я признал правоту волка. Подошел к кровати, наспех свернул матрас и отправился в комнату Нейла. Быстро совершив подмену, я вернулся в свою, расстелил матрас и лег, но сон не приходил. Я лежал, прислушиваясь к ночным звукам, ожидая, когда братья вернутся в свои комнаты. Вот хлопнула соседняя дверь, секунда, другая... И вдруг раздалось громкое:

– Вот ведь...

Я ожидал, что Нейл ворвется ко мне с минуты на минуту, но время шло, а ничего не происходило.

– Спи, Одриан, не тревожься. Я буду охранять твой сон, – прозвучали слова волка. Я закрыл глаза.

Следующее утро встретило меня непривычным теплом. Проснувшись, я ощутил, как отступает сковывающая апатия. Голос волка молчал, но мне все равно было спокойно. Впервые за долгое время я проснулся отдохнувшим.

Спустившись вниз, я ожидал увидеть разъяренного Нейла, но в столовой царила обычная утренняя суэта. Братья пе-

рекидывались шутками, отец просматривал какие-то бумаги, мать накрывала на стол.

Завидев меня, братья притихли. Стар кинул на меня злой взгляд, а Нейл, нахмурившись, молча начал ковыряться в тарелке. Я понял, что он поделился ночным событием со Старом. Ну и ладно. Волк прав, настоящими братьями они никогда не были для меня.

– Садись, Одриан.

Я опустил на стул, чувствуя прожигающий взгляд Стара. Атмосфера за столом сгустилась, будто перед грозой. Отец, казалось, ничего не замечал, поглощенный своими делами. Только мать, с ее чутким сердцем, чувствовала напряжение, витающее в воздухе. Она накладывала мне кашу, стараясь разрядить обстановку своей заботой.

Неожиданно Нейл поднял голову и посмотрел прямо на меня. В его глазах не было ярости, которую я ожидал увидеть, только какая-то странная, нечитаемая тоска.

– Прости, – одними губами произнес он, так чтобы Стар не увидел.

Я опешил, молчал, пытаюсь понять, что происходит. Не ожидал от него такого. Неужели он и правда раскаивается? Внутри меня зародилась слабая надежда.

Я слабо кивнул, давая понять брату, что я его понял.

Может, не все потеряно. Может, между нами еще возможно какое-то подобие братских отношений. Только время покажет.

Глава 4. Очень важно уметь отвоевывать свое

Одриан

– “Одриан, пора вставать. Пошли,” – в который раз за эту неделю разбудил меня мой волк.

– Опять тренировка? – удрученно пробормотал я.

– “Нет, нужно проверить силки.”

– Но еще так рано, – продолжил причитать я, садясь в постели.

– Нет, как раз вовремя. Нужно успеть раньше Стара.

Я не понимал, что задумал волк, но спорить не стал. Поднявшись с кровати, накинул на себя старую куртку и вышел из дома. Утро было прохладным, и легкий туман стелился над землей, делая все вокруг призрачным и нереальным. Я двинулся в лес, пробираясь сквозь густые заросли кустарника. Добравшись до места, где были установлены силки я внимательно осмотрел каждый из них. В нескольких действительно были животные – зайцы и куропатки. Но как так вышло? Почему раньше там были лишь крысы? Двигаясь дальше по лесу и осматривая все остальные свои капканы, я находил добычу, и это не были крысы.

– “А ты спроси об этом у братца. Вон он, кстати, идет.”

Увидев Стара, медленно приближающегося по тропинке, я едва сдержался, чтобы не наброситься на него с кулаками. Его самодовольная ухмылка лишь подливала масла в огонь.

– Это ты подстраивал? – процедил я сквозь зубы, стараясь сохранять хоть какое-то подобие спокойствия. – подменивал мою добычу в силках! Как ты мог?

Стар остановился в нескольких шагах от меня, не переставая улыбаться.

– Да, очень просто! Ты же увалень, и сейчас ничего мне не сделаешь!

Волк во мне зарычал, готовый вырваться наружу, но я сумел его сдержать. Не хотел, чтобы эта ссора переросла в открытое противостояние. Последствия могли быть непредсказуемыми. Стар был сильнее и опытнее меня, и я не был уверен, что смогу его победить.

– Ты просто завидуешь, что я лучше тебя, – продолжал Стар, наслаждаясь моей яростью. – Тебе никогда не сравниться со мной в охоте. Да и вообще ни в чем. Ты всегда был слабаком, Одриан. Эти слова задели меня за живое.

– Я даже “спасибо” скажу тебе за то, что ты обошел все капканы, но добычу я у тебя заберу. Он уже протянул руку, чтобы забрать тушки, но я отпрянул в сторону. И правда, что я могу сделать? Не драться же с ним. Нам ведь запрещено!

– “А отстаивать свою честь тоже запрещено?” – прорычал волк в моем сознании. – “Пусть тебя накажут, но ты оста-

нешься верен себе! Он не прав, это твоя добыча. Почему ты должен отдавать ее ему?”

Мне было страшно нарушить правило, но в глубине души я соглашался с волком. К тому же меня переполняла злость на брата. Заметив мою нерешительность, Стар подошел ближе и потянулся к добыче, но я отбил его руку резким ударом.

– “А теперь удар по корпусу”, – услышал я голос волка и тут же нанес его. Братец с громким шипением согнулся и отступил на шаг.

– Ты... – прошипел он. – ну, ты допрыгался! Пора преподать тебе урок! Риз, Эд, схватите его! Я посмотрел на дружков брата, понимая, что сейчас придется драться. Было страшно, но я старался не показывать этого.

– Стар, это перебор, – произнес один из приятелей, – нас самих накажут.

– Да, мы в этом не участвуем, – протянул второй и, развернувшись, пошел в сторону фольварка.

Лицо брата пошло красными пятнами, то ли от злости, то ли от боли, громко выругавшись и напоследок зло зыркнув на меня, он развернулся и, сгорбившись, побежал догонять своих приятелей.

Я удивленно смотрел им вслед. Неужели вот так просто? Я не мог поверить в это!

– “Уметь отвоевывать свое, Одриан, очень важно. Мужчина должен уметь защищать, даже если на первый взгляд его действия кажутся жестокими.”

Глава 5. Тайна

Грамм

Спустя десять лет.

Одриан

Я сидел на кровати, тяжело дыша, потирая глаза, пытаюсь ухватить ускользающие обрывки сна. В который раз меня преследует один и тот же кошмар: я вижу, как темный владыка вершит расправу над пленными во дворе своего замка. Имя этого правителя – Дрей, и при одном его упоминании во мне поднимается волна необъяснимой неприязни, даже омерзения. Затем появляется другая картина: женщина, мечущаяся в родовых муках. Лица ее я не помню, да и имя стерлось из памяти, оставив лишь щемящее чувство жалости. А затем я проклиная этого мужчину, тем самым убивая его и себя. При этом ощущаю себя и вижу красивой, молодой женщиной. Я снова потер глаза. Бессвязные образы вихрем кружились в голове, не давая сосредоточиться. Что это за бред? Почему именно Дрей? И кто эта несчастная рожелица? И почему снова он? Этот сон я вижу не первый раз, он повторяется с завидной регулярностью. И каждый раз они бывают слишком реалистичны, слишком эмоциональными, чтобы быть просто случайным порождением воображения.

В них чувствовался какой-то зловещий подтекст, намек на нечто забытое, похороненное глубоко в подсознании. Но я никак не мог понять как этот сон связан со мной. Во сне я женщина, но я же мужчина. Да, и такого владыку, темного мага я точно никогда не встречал.

Тяжело поднявшись с кровати, я направился к окну. Предраассветные лучи солнца казались застыли на горизонте еле пробиваясь сквозь пелену свинцовых туч, нависших над Вальдером. Поселение, примостившееся у подножия угрюмых скалистых гор, казалось вырезанным из мерзлой земли. Крыши домов, покрытые толстым слоем снега, напоминали спящих зверей, свернувшихся калачиком, чтобы согреться в эту пронзительную зимнюю пору. Дым лениво вился из труб, поднимаясь в холодное небо. Он напомнил мне о темной магии Дрейя. Я перевел взгляд на свое отражение в стекле. Волевой подбородок, прямой нос, темные волосы – вполне обычная внешность, вот только черты лица были схожи с чертами девушки из сна, а в глубине глаз, там, где обычно скрываются самые потаенные мысли и чувства, я увидел отблеск казалось чужой для меня боли. Ее имя возникло само собой у меня в голове – Одри. Оно было и частью моего имени. “Может мне обратиться к местной ведунье?” – подмул я. Ходили слухи, что она умеет толковать сны, видеть скрытое. Или к отцу – он всегда был мудрым и рассудительным. Но как объяснить ему этот кошмар? Как рассказать о женщине, о Дрейе, о проклятии, не показавшись безумцем? Нет, к от-

цу нельзя. Я и так задолжал ему рассказ о своем секрете, который храню в себе многие годы. Завтра кого-то из нас, его сыновей, он выберет правителем фольварка. Я должен раскрыть свой секрет.

– “Я не секрет, Одриан, я часть самого тебя,” – напомнил мне мой волк.

– “Да, но рассказать о тебе отцу перед завтрашним праздником стоит”.

– ”Непременно, я давно тебе уже говорю об этом. И к ведунье сходи.”

Я кивнул соглашаясь, снова переводя взгляд на улицы поселения. Уснуть вряд ли удастся. Наспех одевшись, я спустился вниз. Дом еще спал. Вышел на улицу, возможно прогулка поможет мне прийти в себя.

Узкие улочки Вальдера, словно лабиринты, петляли между домами. Сейчас, на рассвете, они были особенно безлюдными и мрачными. Снег хрустел под ногами, а холодный ветер пронизывал до костей.

Ускорив шаг завернул за очередной дом и увидел кузнеца Волька. Он укладывал топор на сани запряженные тяжелой лошадкой. Рядом с кузнецом стояла его дочь Низела, в ее руках я заметил большую корзину с бельем. Ее румяные щеки полыхали на морозе, а из-под опушки платка выбивались непокорные пряди черных волос. Большие голубые глаза смотрели на меня с любопытством.

– Доброе утро, Вольк, Низела, – поздоровался я, – опять

прорубь на реке замерзла?

– Доброе утро, Одриан, – кузнец выпрямился и устало вздохнул. – Да, третий день уже. Бабы жалуются, белье стирать негде.

Я кивнул.

– Кстати, Вольк, давно тебя хотел попросить кое о чем.

– Не тяни, выкладывай, – отозвался Вольк.

– Мне нужно, чтобы ты сковал для меня несколько кинжалов. – Из-за пазухи я достал лист с наброском того, что уже давно хотел.

Вольк взял его из моих рук, и внимательно посмотрел на эскиз. Лицо его оставалось непроницаемым, но я заметил, как дернулся уголок его губ. Он явно был удивлен:

– Не ожидал, Одриан, что ты увлекаешься такими вещами, – пробормотал он, возвращая мне листок. – Я могу сковать, но у меня нет времени на это сейчас.

Что-такое я и предполагал услышать от него, поэтому быстро произнес:

– Я сам прорублю прорубь.

Улыбка тронула лицо кузнеца, явно предпочитающего оставаться в тепле своей кузницы у печи, чем отправляться на продуваемую всеми ветрами реку.

– Хорошо. Сделаю. Сталь закалю как положено, с рукоятью повозится придется, но тоже справлюсь.

– Единственное Вольк, мне нужно, чтобы их было двадцать

– Зачем тебе столько? – его брови взлетели вверх.

Я пожал плечами, стараясь скрыть смущение:

– Просто... нужно. Для охоты.

Вольк хмыкнул, но больше не стал расспрашивать. Он понимал, что возможному будущему правителю фольварка не пристало объяснять свои прихоти.

– Сделаю, Одриан.

Я кивнул, взял лошадку под уздцы и не торопясь зашагал по улице. Кинул взгляд на Низелу, та все также несла корзину с бельем.

– Чего ты его сама тащишь, давай тоже на сани. – я подошел к девушке. И забирая корзину из ее рук коснулся пальцами ее холодной кожи, зачем-то неосознанно вдохнул.

Поставив белье на сани, взял девушку за руки, согревая ее своим теплом.

Низела зарделась и потупила взор. Ее пальцы робко сжали мои в ответ.

– ”Не подавай надежды, которые не сможешь выполнить,”
– слышался голос волка в моем сознании.

– ”Почему это? Низела мне нравится.”

– “Может и нравится внешне, но она не твоя пара, Одриан.”

Я мысленно скривился, не первый раз я слышу упоминание о том, что мне нужно дождаться моей истинной:

– “И когда же мы ее с тобой встретим?”

– “Не знаю, но если Богиня сказала, что это свершится,

значит обязательно произойдет.”

Сжав губы, я опустил руки девушки и негромко произнес:

– Убери руки в карманы, Низела, так тебе будет теплее

Снова взял лошадь под уздцы и мы пошли дальше. Путь до реки мы преодолели в молчании. Прибыв на место, огляделся. Действительно вся река была скована льдом. Сняв куртку подбитую мехом, кинул на сани и поднял топор.

– Замерзнешь, – услышал я тихий голос Низелы.

Я лишь махнул рукой, давая понять, что все в порядке. Принялся методично рубить лед. Лед кололся обдавая меня ледяной крошкой. Мышцы горели, требуя передышки, но я упорно продолжал рубить. В голове снова всплыли обрывки сна. Дрей. Женщина. Проклятие. Ярость. Одри. Эти образы словно подгоняли меня, заставляя работать еще усерднее. Наконец, лед поддался, из проруби хлынула темная, ледяная вода.

Подняв взгляд увидел как Низела смотрит на меня с восхищением.

– Надо еще сделать несколько прорубей, а ты пока займись стиркой. – произнес спокойно.

Отойдя подальше принялся рубить следующую прорубь, периодически кидая взгляд на девушку. Она ловко доставала из корзины белье, расстилала его и начинала отбивать вальком. Звук ударов разносился по окрестностям, нарушая тишину утра. Действительно красивая девушка.

– “Не твоя,” – рявкнул волк.

– “Жаль,” – я ухмыльнулся, признавая, что волк прав. Какая бы красивая она не была, но притяжения я к ней не чувствую, зверь прав не стоит ей подавать лишних надежд.

Закончив, я подошел к Низеле. Вокруг нее уже образовалась небольшая кучка выстиранного белья, а ее руки покраснели от холодной воды. Ветер трепал ее волосы, и она то и дело отбрасывала их назад. Мне это не понравилось.

– Здесь нужно поставить отдельное сооружение для того, чтобы стирать можно было в тепле. – вслух произнес я. – Давай помогу, – я присел рядом с девушкой. Полоща белье я рассматривал местность вокруг нас, размышляя над тем как можно было бы облегчить этот тяжелый труд.

Низела удивленно вскинула брови:

– Это как?

Я задумался, прикидывая в уме конструкцию.

– Придумаю, – ответил я, – как-нибудь сделаем.

– Спасибо, Одриан, – тихо проговорила она. В ее глазах я видел восхищение.

Закончив с полосканием, мы собрали выстиранное белье и погрузили его на сани. Провожая девушку до дома, я думал о том, что нужно обязательно поговорить с отцом. Надо было обсудить идею с постройкой и мою тайну.

Вернулся домой я только к обеду и сразу отправился в

кабинет отца. Войдя, увидел его, склонившегося над какими-то бумагами. Он поднял голову, в его взгляде мелькнула усталость.

– Здравствуй, Одриан, – произнес он. – Что-то случилось? Ты выглядишь взволнованным.

Я глубоко вдохнул, собираясь с мыслями. Начал издалека обсуждением нужд поселения и предложил построить крытое место для стирки белья. Отец внимательно слушал, задавая уточняющие вопросы. Он всегда ценил мою заботу о людях Вальдера. Завершив обсуждение улучшения быта поселенцев, я замялся, понимая, что настало время для более сложного разговора.

– Отец, мне нужно тебе кое-что рассказать. То, что я скрывал долгие годы.

Он нахмурился, но кивнул, призывая меня продолжать.

Я рассказал ему о даре Луноликой, о том, как впервые обратился в волка. О связи, которая существует между нами. Я старался говорить как можно более спокойно и внятно. В конце, затаив дыхание, я ждал его реакции. Лицо отца осталось невозмутимым, и я не мог понять, что он чувствует.

– Покажешь? – произнес он сдвинув брови на переносице.

Я кивнул:

– Только я вынужден буду раздеться, чтобы не порвать одежду.

– Ладно.

Скинув с себя вещи, я обернулся и, замер, уселся, наблю-

дая за отцом. Я видел, как в его глазах разыгрались восхищение и интерес.

Он не торопясь встал и подошёл ко мне. Мой зверь был большим, в холке я доставал до груди отца. Я гордился этим, так как помнил слова Луноликой. Чем больше зверь – тем больше у нас с ним взаимопонимания.

– Какой ты огромный! Ничего такого раньше не видел. Вот так магия, – произнес он восхищенно.

Я снова обернулся человеком.

– Это не совсем магия, отец. Мой зверь – это часть меня, – произнес я, одеваясь.

– Пусть так, да. Он великолепен, Одриан! Я всегда знал, что в тебе есть что-то особенное. – он подошел ко мне и положил руку на плечо.

– Я горжусь тобой, сын. – И не сомневайся в моем выборе завтра.

Глава 6. Темный правитель

Одриан

Ледяной ветер терзал знамёна на торговой площади. Снег колючей россыпью покрывал все вокруг, но толпа стояла неподвижно, ожидая решения ныне правящего варка. Мороз пробирал до костей, несмотря на толстые меховые накидки. Я с братьями стоял позади отца. Его лицо, изборожденное морщинами, казалось высеченным из скалы. Глаза, глубоко посаженные, сверлили толпу, выискивая, вероятно, тех, кто осмелится оспорить его решение. Рядом с ним стояла его верная стража, закованная в кожаные доспехи, с топорами наперевес.

Отец поднял руку и заговорил. Его голос, хриплый и гулкий, разнесся над площадью, словно раскат грома. Слова его были кратки и суровы. Он говорил о долге, о чести. Я знал, что последует дальше. Я чувствовал взгляды братьев, их напряжение, их страх.

– Одриан, мальчик мой, подойди ко мне. – произнес он.

С громко колотящимся сердцем я сделал два уверенных шага и в этот же момент почувствовал злость братьев, она чуть не сбивала меня с ног.

– Я выбираю тебя моим преемником, – сказал он гордо. Отец смотрел на меня с нескрываемой любовью. – С этого дня ты – правитель фольварка северных земель. Помни, Одриан, власть – это не право, а бремя. Используй ее мудро и справедливо.

– Буду, – произнес твердо. – Я не подведу тебя, отец. Я сделаю все, чтобы быть достойным твоим наследником. Я развернулся к народу. Толпа замерла, ожидая моего первого слова, первого жеста. Я достал меч, поднял острием вверх и громко произнес:

– Я клянусь, что буду править мудро и справедливо. – толпа взревела.

– Сегодня, в честь этого великого события, мы устроим охоту, а затем пир! – отец встал рядом со мной.

Гул одобрения прокатился по площади. Охота! Это был мудрый ход. Возможность показать свою силу и доблесть, завоевать расположение народа и, что немаловажно, утереть нос братьям, которые сейчас, я уверен, скрипели зубами от зависти.

– Приготовьте коней! – скомандовал я, и площадь мгновенно пришла в движение. Слуги оседлали лучших скакунов и подвели их к нам.

– Не боишься, что, как и в детстве, ты сегодня останешься ни с чем? – произнес Стар ехидно, садясь на коня, и, не дожидаясь ответа, прищипорил его, унеся в сторону леса. Вслед за ним поскакал Нейл.

Я усмехнулся, я никуда не собирался торопиться, не переживал, что мне не достанется добычи. С того дня, когда я уличил Стара в обмане с силками, я никогда не приходил домой без ничего. Запрыгнув на коня, я последовал за братьями.

Въехав в лес, хотел уже было направиться в противоположную от братьев сторону, но неожиданно услышал громкий истошный крик. Не задумываясь, ринулся на него. Еще один громкий крик. Сердце в груди громко колотилось, по мере приближения почувствовал неприятный запах крови и лука. Еще несколько сотен метров, и моему взору открылась ужасающая картина. Нейл, птящийся назад, а перед ним огромный медведь.

– ”Одриан, в человеческом облиии нам не справиться,” – произнес волк в моем сознании, и я не мог не согласиться.

Не раздумывая, спрыгнул с коня, стянул с себя одежду, бросился к медведю, желая защитить Нейла. В этот момент зверь взревел и обрушил свою могучую лапу на брата, тот отлетел и врезался в дерево. Его хруст костей отозвался болезненным эхом в моем сознании. Ярость, обжигающая и всепоглощающая, заволокла мой разум, я обернулся в огромного серого волка. Рык, полный ненависти и боли за брата, вырвался из моей глотки. Медведь перевел взгляд на меня. В его глазах плясала злоба и голодный блеск. Не теряя ни секунды, я бросился в атаку. Зверь сделал выпад, но моя волчья реакция была быстрее. Я уклонился от когтистой лапы

и впился зубами в его шею. Медведь взревел от боли и ярости, пытаясь сбросить меня с себя. Но я вцепился мертвой хваткой, чувствуя, как его теплая кровь пропитывает мою шерсть. Мои когти рвали его шкуру, мышцы напряглись до предела. Отскочив в сторону, я искал взглядом его уязвимое место. Внезапный, оглушительный хлопок заставил меня вздрогнуть. Медведь прижал уши и, поджав хвост, бросился наутек в чащу леса. Оглядываясь вокруг, я не видел никого, но в ноздрах по-прежнему стоял едкий, невыносимый запах лука.

Убедившись, что угрозы больше нет, я подошел к Нейлу. Его тело было безжизненным, глаза закрыты. Не веря в непоправимое, я осторожно ткнулся мордой в его щеку, робко надеясь на то, что он очнется, и что это еще не конец. Я заскулил, припадая к брату всем телом, словно пытаюсь согреть его своим теплом, вдохнуть в него жизнь. Но Нейл не двигался. Лишь слабый, едва уловимый запах его крови щекотал мои ноздри. Мир сузился до неподвижной фигуры моего брата, лежащей у подножия дерева. Все остальное перестало существовать.

Из ступора вывел громкий топот копыт, а спустя мгновения на поляне появились всадники: мой отец, его стража и Стар. Палец Стара, дрожа от ярости, указал на меня:

– Вот! Этот зверь убил моего брата! Убейте его немедленно! – пронзительно завопил он и швырнул в меня огненный шар, опаляющий воздух вокруг. Я отпрыгнул, едва

успев увернуться.

В полном смятении я принял человеческий облик и с недоумением взглянул на прибывших:

– Ему нужна помощь, – прошептал я, стирая с лица липкую медвежью кровь. – Здесь был медведь...

– Какой медведь? – взвизгнул Стар. – Это ты убил Нейла! Ты!

Я обернулся, желая указать на следы схватки, на растерзанную землю, но увидел лишь черное пепелище. Огненный шар Стара, которым он в меня бросил, уничтожил все улики.

Не обращая на нас внимания, отец соскочил с коня и бросился к брату. Он приложил руку к груди Нейла, прислушиваясь. Затем, прикрыв глаза, медленно выдохнул и покачал головой.

– Он должен умереть! – в истерике кричал Стар, смотря на меня.

– Нет, – твердо и властно произнес отец. – Я верю ему. И моего решения не изменить, Одриан – правитель фольварка.

Стар задохнулся от возмущения, но не посмел послушаться. Отец поднялся, его лицо было каменным, непроницаемым. Он медленно подошел ко мне, и я увидел в его глазах не гнев, а лишь скорбь и тяжелую усталость. Он обнял меня, крепко прижав к себе, и я почувствовал, как дрожит его тело.

– Я знаю, что ты не виновен, сын мой. Я чувствую это, – прошептал он мне на ухо, и его слова, как бальзам, пролились на мою израненную душу. – Но сейчас это не имеет

значения. Нейла не вернуть. А Стар... Стар ослеплен горем. Нам нужно время, чтобы все уладить. Отец отстранился, и я увидел, как в его глазах загорается решимость:

– Идем, нам надо сообщить народу об утрате.

В те дни трагедия омрачила весь фольварк. Стар, подкрепленный лживыми показаниями стражи, беспрестанно распространял слухи о моей виновности. Как ни пытались мы с отцом остановить эту волну клеветы, она захлестнула не только фольварк, но и прокатилась далеко за его пределами. В тот же год соседний фольварк, словно почувствовав нашу слабость, решил оспорить наши земли. Не знаю, что послужило истинной причиной, но я погряз в бесконечных войнах и распрях на долгие пять лет. Решения приходилось принимать быстро и жестоко, иначе границы было не удержать. В те годы во мне умер наивный мальчишка. В народе меня стали называть Темным правителем. С каждым днем это прозвище прирастало ко мне, словно тень, неотступно следующая по пятам. Я видел страх в глазах крестьян, когда проезжал мимо. Слышал шепот за спиной, когда шел по рыночной площади. Но я не мог позволить себе слабость. Не мог показать страх или сомнение. Мой отец, сломленный горем уже не мог управлять фольварком. Вся тяжесть ответственности легла на мои плечи.

Я как одержимый изучал военное искусство, тактику и стратегию. Каждая ночь проходила в библиотеке, среди пыльных томов и старинных карт. Я учился читать людей,

предугадывать их действия, использовать их слабости. И это приносило свои плоды. Мы не только удержали земли, но и вернули часть территорий, которые когда-то принадлежали нашим предкам.

Но каждая победа давалась кровью и потом. Каждое принятое решение отзывалось болью в сердце. Я видел, как люди умирают за меня, за наш фольварк, за наше право жить на этой земле. И эта кровь, эта боль, эта смерть – все это отравляло мою душу.

Но время шло, и после пяти лет непрерывных войн, когда соседний фольварк был окончательно усмирен, наступило затишье.

Глава 7. Время пришло

*Параллельный мир, Ашвардия
Дрейя*

Солнечный день искрился, играя в складках изысканных нарядов женщин. Но прекраснее всех была одна из них, та, которая излучала свет и любовь ко всем. Радужно встречая гостей, ее улыбка, словно солнечный зайчик, перепрыгивая с лица на лицо, согревала каждого своим теплом. В ее глазах отражалась искренняя радость от встречи, и эта радость передавалась всем присутствующим, наполняя воздух атмосферой легкости и непринужденности. Рядом с этой прекрасной женщиной стоял мальчик.

Я зачарованно наблюдала за этой идиллической картиной: ребенок, беззаботно резвящийся у ног матери. Внезапно он замер, указал дрожащим пальчиком в сторону кустов, и звонкий голосок разорвал тишину:

– Мама, смотри! Там, в кустах, дивная птичка!

Я замерла. Именно эти слова я вспомнила, и хорошо знала, что будет дальше, и это осознание повергло меня в ужас. Сердце болезненно сжалось в предчувствии непоправимой ошибки. Ведомый неудержимым детским любопытством, мальчик сорвался с места и помчался к кустам.

Я чувствовала его порыв, как свой собственный: он хотел лишь полюбоваться маленькой жизнью, заглянуть в хрупкий мир пернатого чуда. Но злая ирония судьбы – его тёмная магия, доселе дремавшая, прорвалась наружу. Когда он протянул руки к птичке, из кончиков его пальцев вырвались сгустки тьмы, похожие на зловещие, парящие щупальца. Одно касание – и птичка безвольно обмякла в его ладонях. Мальчик не желал этого, его сердце разрывалось от боли при виде бездыханного тельца. Присев на корточки, он бережно поднял её на ладонь и, спотыкаясь, побежал к матери, ища у нее защиты и утешения, желая разделить с ней свое горе. Но я знала, что он почувствует, знала, какотреагирует она. В моей памяти отчетливо всплыло лицо матери в тот самый момент, когда он подбежал к ней и протянул ладошки с мертвой птичкой. Лицо ее исказила гримаса неконтролируемого гнева, глаза метали молнии. Она не могла вынести зрелища мёртвой птицы, не могла смириться с тем, что её сын отнял эту невинную жизнь.

– Дрей! – прорычала она и со всей силой ударила мальчика по лицу, оставив на нежной коже пылающий отпечаток светлой магии – позорное клеймо на всю жизнь. – Что ты наделал, тёмное отродье!

Распахнув глаза, я ощутила, как в ушах все еще звенит от её крика. Как и во сне у мальчика, на мои глаза навернулись слезы. Резко вскочив, я, ещё не до конца пробудившись, подошла к зеркалу, жадно вглядываясь в своё отражение. Оттуда на меня смотрела молодая девушка: бездонные, чуть раскосые глаза цвета самой ночи, иссиня-черные длинные волосы, аккуратный носик, пухлые губы. Наверное, можно было бы назвать меня симпатичной, если бы не огромное родимое пятно, словно выжженное клеймо, расплывшееся по правой щеке. Такой же след оставила материнская жестокость на лице мальчика в моем сне. Я вообще была похожа на него... или, скорее, я и была им. Историю этого мальчика, ставшего мужчиной, я знала до мельчайших подробностей. Почти каждую ночь он приходил ко мне во снах. Сначала робкие сомнения, затем – абсолютная уверенность: я когда-то была им. Дрэй – это я. Даже имя похоже – Дрейя. Я коснулась родимого пятна на щеке, затем, опустив руку, не отрывая взгляда от пальцев, выпустила пляшущее черное пламя. Тёмная ведьма – редкий и пугающий дар, но, похоже, моя сущность навсегда останется со мной. Щелчок пальцев – и пламя исчезло. В этой жизни я очень быстро научилась контролировать свою силу. Точнее, не так, я ее не использовала, поэтому и проблем не было, вот и весь контроль.

Я хмыкнула, снова рассматривая себя. Провела пальцами по шершавому родимому пятну, из-за этой метки таких, как я называли проклятыми.

Проклятые... слово, которое преследовало меня всю жизнь, словно тень. Я помнила шепот за спиной, презрительные взгляды, страх, застывший в глазах окружающих. Они видели во мне лишь тьму, отражение своих собственных страхов и предрассудков. В груди болезненно от обиды все сжалось – ведь я знала, что внутри меня живет не только мрак. Но, окружающим было все равно, внешность кричала об обратном, твердила о моей уродливости. Единственным проблеском красоты в моей внешности были волосы. Гладкие, блестящие, они были безукоризненно красивыми.

– И зачем такой страшилище эта красота? – прошептала я вслух, глядя в равнодушное зеркало. – Сомневаюсь, что кто-то способен увидеть во мне нечто большее, чем темную проклятую.

С раковины я взяла ножницы. Пора соответствовать внутреннему мраку и внешней неприглядности. Без колебаний отрезала волосы, оставив их до плеч.

Так гораздо лучше.

Из моих мыслей меня выдернул голос бабули:

– Дрейя, куры проголодались! Вставай, лежебока.

Наспех плеснув в лицо водой из бочки, я натянула платье и вышла из своей комнаты. Миновав просторную смежную комнату, очутилась на кухне.

– Доброе утро, Сибил, – произнесла я бодро и весело.

– Доброе, – отозвалась она, не поворачиваясь, но умудряясь одновременно помешивать кашу и жарить оладушки на

сковороде. – поторопись, Дрейя, куры тоже есть хотят. Бабушка наконец взглянула на меня и воскликнула: – О! Ты остригла волосы! Значит, время пришло.

– Для чего? – не поняла я ее.

Но она лишь отмахнулась, отвернулась и забормотала:

– Иди, иди, тебя куры ждут.

Пожав плечами, я взяла ведро с зерном и направилась к курятнику. По мере приближения к сараю, где жили куры, напряжение нарастало. Не любила я общаться с этими наглыми птицами. Все оказалось как всегда, не успела я переступить порог, как куры будто с цепи сорвались. Мне казалось, что я зашла в пасть к дракону. Только вместо огня – перья и навоз.

– Цып-цып-цып, мои хорошие, – фальшиво пропела я, надеясь утихомирить эту пернатую орду. В ответ – дружный кудахт, больше похожий на насмешку. Одна, особенно наглая рыжая курица, подскочила и клюнула меня прямо в боковую ногу.

– Ах ты, вредина! – взвизгнула я и замахнулась ведром. Курица ловко увернулась, а зерно рассыпалось по всему курятнику. Началось столпотворение. Куры, забыв про склоки, кинулись на зерно, толкались, пихались. Я, потеряв равновесие, поскользнулась и рухнула прямо в гущу событий, плашмя на спину. Поднялась измазанная, в перьях, в зерне и птичьем помете. И тут та самая наглая рыжая вредина залезла мне на голову, и начала клевать зерно прилипшее к моим

волосам. Я не выдержала. Завопила так, что куры в испуге разлетелись по углам. Сорвала с головы эту курицу-наездницу и швырнула ее в угол. А ей хоть бы что. Курица, отряхнувшись, гордо зашагала по курятнику, словно одержала победу. А я, вся в перьях, побрела к выходу, бормоча себе под нос: «Вот тебе и темная ведьма! Недоразумение какое-то!»

Заходить домой в таком виде было нельзя, поэтому я пошла на огород, там стояла бочка с водой для полива.

Умывшись и приведя себя в порядок, я вернулась в дом. Тяжело опустилась на стул, поставила локти на стол, пальцы сплела в замок, подперев ими подбородок, и с недовольством проворчала:

– И на кой ляд мне эта темная магия, если я ею даже пользоваться не могу?

Бабушка поставила на стол тарелки с дымящейся кашей и золотистыми оладушками, внимательно взглянула на меня. По-доброму улыбнувшись, протянула руку и вытащила из моих волос перо.

– Опять куры тебя разозлили? – ее голос звучал мягко.

– Да, особенно одна – рыжая бестия.

– И именно на нее ты хочешь обрушить свою темную магию?

Я громко выдохнула, осознавая всю абсурдность этого желания.

– Нет, конечно..., – пробурчала я.

– Дрейя, милая, то, что твоей магии пока нет применения

– это благо. Но все временно, доченька. Если она дана, значит, для чего-то пригодится. Твоя магия – это большая ответственность, испытание для тебя.

Бабушка часто говорила мне про это, поэтому я кивнула, понимая, что спорить здесь не о чем.

Присев напротив, бабуля изучающе посмотрела на меня, я уловила в ее взгляде тень грусти, поэтому встревожилась:

– Бабушка...? Что-то с Илларией?

Ведьма все так же задумчиво смотрела на меня. Мгновение, мне показалось, я увидела удивление в ее глазах, но, скорее всего, действительно привиделось, так как она грустно продолжила:

– Да, доченька, сердце мое беспокойно. Чувствую, что надвигается что-то очень нехорошее. В каждом письме Илларии одно и то же: "У меня все хорошо". Отмахивается она от моих просьб вернуться. Пишет, что справляется, а я чувствую неладное.

Я недоуменно посмотрела на бабушку. Куда вернуться? Ведь Иллария уже как год замужем. Видимо, заметив сомнение в моих глазах, ведьма произнесла:

– Мы бы смогли ее укрыть, в конце концов, внешность изменить. Придумали бы что-нибудь! Ей там плохо, я чувствую это! Дрейя, ты должна поехать к ней и уговорить ее.

Сомнения одолели меня, моя сестрица – сильная женщина, всегда совсем справлялась, но в тоне ведьмы и правда звучало волнение.

– А на чем я поеду? – у нас с бабулей не было ни телеги, ни тем более лошади.

– Да ни на чем! – глаза ведьмы озорно блеснули. – Пешком, может, кто и подвезет. Не переживай, кто-нибудь да защитит.

– Что? – я была не то чтобы возмущена, скорее ошарашена. – Бабушка, да меня никто не подвезет, о защите вообще речи не идет! Ты видела мое лицо? Я проклятая темная.

Она улыбнулась мне, по-доброму, мягко:

– Дрейя, давай поспорим.

Бабуля знала мои слабые места. От хорошего спора мне всегда было тяжело отказаться. Для меня это было сравнимо с тем, как мерится силой, только на словах. Но я знала, что споры с ведьмой, как правило, заканчивались ее победой, сейчас же я была уверена в том, что мне никто не поможет.

– Хорошо, на что спорим?

– Если ты выигрываешь, я исполню любое твоё желание. А если я... – она сделала вид, что задумалась. – То ты позволишь себя полюбить.

– Что? – я громко рассмеялась. Я точно знала, мне никто не поможет, а уж чтобы кто-то полюбил... – Ничего из этого не осуществимо, поэтому договорились! Бабуля, готовься к тому, что как только я вернусь, ты исполнишь любое мое желание.

– Договорились, посмотрим, чье желание и кто будет ис-

полнять, — отмахнулась она и подошла к плите. — Выезжаешь... то есть выходишь сегодня.

— Что? Зачем такая спешка? — я не понимала.

— Да-да, сегодня, — произнесла она громко, а потом тихо добавила. — Если позже, могут разминуться. А если совсем останется, то неизвестно, когда он ее здесь найдет, домоседку этакую.

— Кто найдет? — не поняла я ведьму.

— Да ветошь, которой посуду мою, найти говорю надо, — выпалила бабуля громко. — Собирайся, доченька, завтра утром в путь. — И уже совсем тихо добавила: — К своей судьбе.

Глава 8. Ну, в путь...

Дрейя

Сборы не заняли много времени. Что возьмешь с собой, когда есть лишь две ноги, способные нести ношу? Да и, в общем-то, и нести-то было нечего: роскошных платьев никогда не водилось. Поэтому я взяла лишь сменное белье да дневник с магическим пером. Вот с чем бы я не хотела расстаться ни за что. Вот, вроде, и все, – окидывая взглядом комнату, мысленно размышляла над решением бабули отправить меня к Илларию. Я не могла понять бабушку, словно ей не терпелось избавиться от меня. Зачем и почему – тайна, покрытая мраком. Кто разберет этих видящих ведьм? Выйдя из комнаты, обнаружила бабулю на кухне, она явно ожидала меня.

– Я готова, – произнесла, не до конца понимая, к чему именно.

– Тогда в путь, – бабушка подошла и одарила меня улыбкой, посмотрела так, как обычно смотрят на малых детей – с безграничной добротой и умилением. Она крепко обняла меня, прижав к себе. – Я очень люблю тебя.

– Поэтому и выгоняешь?

– Да, именно поэтому. Тебе многому надо научиться.

– Ну, я ведь вернусь? – почему-то я не чувствовала уверенности в этом вопросе.

– Да, да, конечно, – поспешно ответила ведьма, лишь усилив мои сомнения. – Вот, возьми, это тебе пригодится, – и она вложила мне в руку десять золотых монет.

Я удивленно уставилась на монеты. Откуда столько? Я недоумевала, да и не уверена была, что смогу сберечь их, поэтому воскликнула:

– Так ограбят ведь в дороге!

– Не ограбят, не переживай. Бери.

Отказываться не стала. Путь предстоял долгий, и мне нужны были еда и кров для ночлега. Деньги действительно пригодятся.

– Спасибо, – произнесла сдержанно и спрятала монеты во внутренний карман платья. – Тогда я пойду?

– Иди, иди, доченька.

Я вышла за порог дома, оглянувшись напоследок. Бабушка стояла на крыльце, в лучах солнца ее силуэт казался хрупким и одиноким. Она махала рукой, а я, сглотнув ком в горле, отвернулась и зашагала по тропинке, ведущей в лес.

Лес встретил меня тишиной и прохладой, порыв ветра напомнил, что лето уже кончилось. Почему именно сейчас я должна отправиться невесть куда, недоумевала я? Хотя куда – единственное, что было ясно – к Илларию. Холод пробирал до костей, заставляя поежиться. Вечерело. Я натянула капюшон плаща, пытаясь хоть немного укрыться от ледя-

ного ветра. Дорога петляла между пожелтевшими полями, уходя вдаль, к виднеющимся на горизонте лесам. В груди защемило от тоски. Бабушка, конечно, странная, но родная. И вот так, в никуда... Надеюсь, Иллария хоть обрадуется моему приезду.

Я шла довольно быстро, стараясь не задерживаться. Золотые монеты приятно грели внутренний карман, даря ощущение пусть и небольшой, но безопасности. Сумерки сгущались быстро, и вскоре я брела в темноте, ориентируясь лишь по звездам. На ночлег я решила устроиться в небольшой рощице под огромным дубом. Я достала из кармана сухарь и принялась его грызть. Еда была скудной, но вполне съедобной. В животе урчало, напоминая о более сытных временах. Завернувшись в плащ, я попыталась заснуть, но холод и тревога не давали покоя. В лесу то и дело раздавались странные звуки: уханье совы, шорох листьев, хруст веток. К утру я продрогла до костей. Солнце едва показалось из-за горизонта, как я встала и, собрав свои нехитрые пожитки, отправилась дальше. Голод давал о себе знать, заставляя мечтать о горячей похлебке. Тело ломило от долгой ходьбы, но надежда на встречу с Илларией грела душу и придавала сил. Я очень соскучилась по сестре.

Днем потеплело, но дорога все равно казалась бесконечной. Пейзаж вокруг практически не менялся: поля, леса, холмы. Лишь изредка пейзаж оживляли одинокие крестьянские избышки, возле которых, словно муравьи, копошились

немногочисленные обитатели. Я старалась не привлекать к себе внимания, опасаясь расспросов и лишних взглядов.

К полудню тропа вывела меня к журчащей речушке. Вода, словно горный хрусталь, искрилась чистотой и обжигала холодом. Утолив жажду и освежив лицо, я почувствовала, как усталость отступает. Присев на берег, я погрузилась в воспоминания. Всплыл образ бабушки, ее неизменная поддержка, даже когда моя темная магия грозила вырваться на свободу, пугая меня саму. Вспомнилась и Иллария, моя названная сестра. Я гордилась ею. С детства целеустремленная, она жадно тянулась к знаниям, стремясь доказать миру, что женщина способна наравне с мужчиной покорять магические и научные вершины. Ее мечта – лечить людей. Улыбка тронула мои губы, когда я вспомнила, как тайком взяла у нее книгу по женской анатомии. Боже, сколько же там всего было! Щеки мои нещадно пылали, а дойдя до описания глав про беременность и роды, я вообще захлопнула книгу, делая вид, что мне неинтересно. Впрочем, позже я все же прочла ее от корки до корки. Хотя зачем мне это, темной-то ведьме?

Встав и отряхнувшись, я вышла на большую дорогу. Послышался глухой топот копыт, он нарастал. Усталость и голод сделали свое дело, и я мысленно приготовилась молить о милости, чтобы меня подвезли. Но когда из-за поворота вынырнула пара вороных коней, а за ними жуткого вида телега с клеткой, во мне все похолодело. "Рабы," – пронзила мысль, и, не раздумывая, я бросилась в спасительную чашу

леса. Только бы не попасться им на глаза, молила я Лунолицую.

– Эй, смотрите-ка, какая красotka! Может, и ее прихватим? – раздался грубый окрик, заставивший меня пригнуться ниже к земле.

Меня заметили.

Глава 9. Плен

Дрейя

Сердце забилося в груди оглушительной трелью, словно пойманная в клетку птица, рвущаяся на волю. Ветка под ногой предательски хрустнула. Вскочив, я побежала, не оглядываясь. Колючие ветви кустов хлестали, оставляя царапины на коже, ноги путались, то и дело застревая в корнях деревьев. Леденящий ужас подстегивал, гнал вперед. Звуки погони приближались с каждой секундой, утробное рычание голосов и глухой топот копыт разносились по лесу зловещим эхом. Я понимала, что силы на исходе. Нужен был план, спасительная лазейка, хоть малейший шанс на выживание. Узрев впереди небольшую впадину, поросшую изумрудным ковром папоротника, я ринулась туда, молясь, чтобы густая зелень укрыла меня от преследователей. Затаив дыхание, я припала к холодной, влажной земле, чувствуя, как дрожит мое тело. Сердце колотилось, заглушая все звуки, но я изо всех сил старалась сконцентрироваться, ловя каждый шорох, каждый треск.

Над головой пронеслись всадники, следом послышались голоса, они звучали совсем рядом. Грубые, злобные работяги переругивались, гадая, куда я могла подеваться. Я боялась пошевелиться, боялась даже дышать. Легкий шорох за-

ставил меня вздрогнуть.

– Вот она!

Я подняла голову и сразу увидела мужчину с невымытыми длинными волосами и омерзительной ухмылкой, его запавшие глаза горели злобой. Он протянул ко мне грязную руку, намереваясь схватить, но я отпрянула, отчаянно пытаюсь вырваться из зеленой западни. Папоротник, казавшийся спасением, теперь лишь мешал, цепляясь за одежду. Еще один шаг ко мне, и я, не раздумывая, со всей силы ударила его ногой в колено. Мужчина взвыл от боли и пошатнулся, но тут же схватил меня за волосы и рывком выволок из оврага. Вытащив на дорогу, развернул лицом к себе и окинул презрительным взглядом. Сплюнул под ноги.

– Проклятая...

К нам подошел второй. Его взгляд скользнул по мне, оценивая, как скот на ярмарке.

– Нищая, проклятая. За дорого не продашь, но есть плюс – такую и искать никто не станет. Кидай ее в клетку.

Я пыталась вырваться, закричать, но рот заткнули грязной тряпкой, а руки крепко связали за спиной грубой веревкой. Чувство беспомощности и отчаяния захлестнуло с головой, словно ледяная волна.

– Надень ей это, может, хоть немного привлекательности прибавит, – прохрипел один из них, и мерзкий хохот разорвал тишину леса. Я не успела разглядеть, что именно у них в руках, как на мое лицо нацепили какую-то маску. Холод-

ный металл коснулся кожи.

Меня поволокли по земле и грубо запихнули в клетку, стоящую на телеге. Таких телег с клетками оказалось несколько. Мое сбивчивое дыхание гулким эхом отдавалось в ушах. Оглядевшись, я увидела людей, прижавшихся к грязным прутьям. В основном это были женщины, среди них – беременная, с огромным животом, выдававшим большой срок.

Я отползла к одной из пустующих стен клетки. На меня никто не обращал внимания, и, воспользовавшись этим, я высвободила немного своей темной магии, сжигая грубую веревку на запястьях. Затем достала отвратительный кляп изо рта. Именно в этот момент страх ушел, моя темная магия напомнила мне, что я не беспомощна, в критической ситуации смогу постоять за себя. В голове прояснилось, и снова оглядывая заключенных, я размышляла о том, что можно предпринять. Выглядело все удручающе, я бы сказала, что сейчас мне могла помочь только моя магия. В этой ситуации я могла только всех убить, но я живо представила, как тьма поглощает меня, стирая все человеческое во мне. Нет, так не пойдет. Моя магия – это совсем крайний случай. Я боялась стать тем мужчиной из моих снов, я боялась стать Дреем. Темный человек перестает чувствовать, испытывать эмоции, становится лишь оболочкой для тьмы. Я не хотела этого. Наоборот, хотела бы наслаждаться каждым прожитым днем: ощущать тепло солнца на коже, слышать пение птиц,

чувствовать вкус сочной ягоды, смеяться над глупыми шутками, любить... Поэтому я буду бороться за возможность оставаться собой, не поглощенной темной магией. Ну, а сейчас, — я вздохнула, — ничего не остается, как расслабиться и наслаждаться дорогой. В конце концов, бабуля, хитрая ведьма, была права: нашлись те, кто до ближайшего большого поселения меня подвезут. От этой мысли улыбка сама собой появилась на моем лице.

Дорога казалась бесконечной. Леса сменялись полями, а поля снова лесами. Телегу трясло на каждой кочке, вонь от немытых тел и переполненных отхожих ведер становилась невыносимой. Я старалась держаться от остальных подальше, наблюдая за дорогой и обдумывая возможные варианты побега. Большинство пленниц были сломлены и покорны своей участи, лишь изредка кто-то всхлипывал или тихо молился. Беременная женщина сидела, обхватив живот руками, и смотрела в никуда, словно потеряла всякую надежду.

Наступила ночь, и стало холодно. Нам раздали похлебку, мутную жижу в грязных тарелках, и вонючую воду. Превозмогая отвращение, я глотала ее, проклиная тех, кто отнял у меня свободу. Пусть часть этих проклятий вернется ко мне, пусть, но я не могла молчать, видя это скотское отношение к людям. Мои проклятия прервал волчий вой, прон-

живший тишину. Вслед за ним раздались громкие голоса, перебранка, и одного из работорговцев отправили проверить, что случилось. "Сдохни!" – мысленно выплюнула я. Прошло не меньше двадцати минут, только я уже подумала о том, что хотя бы одно из моих проклятий исполнилось, и этого изверга загрыз волк, как затрещали ветви, и он явился, жив и здоров. Жаль. Я проводила мужчину ненавидящим взглядом. Он уже почти прошел мимо, как вдруг остановился и направился к нашей телеге.

– Эй, ты! – крикнул ему кто-то из работорговцев. – Ну что там?

– Никого не нашел, – буркнул тот в ответ, продолжая идти к нам.

Они даже имен друг друга не знают, поняла я. Сброд!

Вернувшийся из леса работорговец подошел к нам и, не говоря ни слова, схватил одного из охранников за шиворот и отшвырнул в сторону.

– Эй, это мое место! – взвизгнул тот.

– А теперь мое, – пробасил тот в ответ, плюхнулся на освободившееся место, привалившись к борту телеги, и достал кинжал. Лезвие хищно блеснуло в лунном свете. У сдвинутого охранника тут же пропали все аргументы. Понутившись, он отошел в сторону. Я зачарованно наблюдала, как кинжал танцует в руках незнакомца. Он явно был опытным воином. И вдруг я поймала себя на мысли, что безумно хочу увидеть его лицо, скрытое глубоким капюшоном.

Глава 10. Незнакомец

Дрейя

Незнакомец хранил молчание. Именно так я назвала того работоторговца, что пришел из леса. По непонятной мне причине я выделила его из основной массы этого сброда. Его присутствие ощущалось, как натянутая струна. Мой взгляд то и дело невольно возвращался к его застывшей, словно высеченной из камня, фигуре.

– Бессмыслица какая-то, – произнесла я себе под нос и сильнее обняла себя руками. Нужно было теплее одеться, когда покидала дом, понимала же, что на дворе осень.

Я прикрыла глаза, пытаюсь уснуть. Тихий шорох, и вдруг на мои плечи опустилось что-то теплое. Распахнув глаза и оглядев себя, поняла, что на мне чья-то куртка. Взгляд скользнул к тому незнакомцу. Он был без куртки, видимо, именно он поделился ею со мной. Его поступок мне был непонятен, но мне было все равно, главное, что мне стало теплее.

– Спасибо, – тихо произнесла я, но он никак не отреагировал. Я снова прикрыла глаза и на этот раз погрузилась в сон.

Утром, когда солнце окрасило горизонт в багряные тона,

работорговцы проснулись, завозились собираясь. Незнакомца видно не было. Сборы длились недолго и уже спустя полчаса мы снова ползли по дороге. Я снова прикрыла глаза, и задремала.

Тошнотворный спазм сотряс тишину, возвращая в реальность. Я резко распахнула глаза и даже подалась вперед. В углу клетки, скрючившись, корчилась беременная женщина. Рвота сотрясала ее тело, плечи вздрагивали в отчаянной агонии, а лицо пылало пунцовым жаром. И до этого зрелища сердце мое обливалось кровью, но теперь, при виде ее мучений, жалость обернулась яростью. Каким надо быть чудовищем, чтобы похитить и продать женщину, носящую под сердцем новую жизнь? Вскочив на ноги, я едва не упала, но, удержав равновесие, прокричала, срывая голос:

– Воды! Дайте ей воды! Ей плохо! Она умрет, и вы ничего не получите!

Но на мой крик никак не отреагировали, даже узники не подняли голов.

Не зная, что предпринять, я, покачнувшись, сделала несколько шагов и опустилась рядом с женщиной, коснулась ее лба, погладила по спутанным волосам, пытаясь хоть как-то успокоить.

– Эй, – услышала я тихий голос за спиной и обернулась. Темноволосый мужчина с яркими зелеными глазами смотрел на меня. Я догадалась, что это тот самый незнакомец. Он протягивал мне кожаный бурдюк.

– Там вода, – сухо бросил он. Вглядываясь в его лицо, пыталась уловить ускользающее воспоминание. Где-то... когда-то... Я словно уже встречала его. Несколько мгновений я замороженно изучала незнакомца, не в силах отвести взгляд.

– Спасибо, – наконец, прошептала я одними губами. Забрала бурдюк при этом стараясь не коснуться его пальцев.

Отвернувшись, я вытащила пробку и осторожно принялась. Жидкость не вызвала подозрений, и я протянула бурдюк женщине:

– Пей, станет легче. – произнесла я, продолжая поглаживать ее по волосам успокаивая.

Всхлипнув она сделала глоток, потом еще и еще. Наконец всхлипы стихли, но слезы продолжали катиться по ее щекам. Устремив взгляд куда-то в даль, она сипло прошептала:

– Я умру... – положила руку на живот и добавила, – и мой ребенок тоже умрет. – в голосе звучала тихая, безысходная обреченность.

Ситуация и правда была не приятная, но по моему мнению не безнадежная. Сжав губы, я попыталась подобрать слова утешения.

– Ты очень красивая. – произнесла я мягко. – Тебя обязательно выкупит добрый человек и поможет тебе. Как тебя зовут?

– Эрмела. – девушка сжала кулаки, сдерживая новый поток слез.

– Я не хочу, чтобы меня кто-то выкупал, я хочу к своему

Мариусу, – прошептала она, и ее губы задрожали, предвещая новую истерику.

Я не любила слезы, особенно женские, но и не знала, как отвлечь ее от мрачных мыслей.

– Расскажи мне о нем, – попросила я, стараясь говорить как можно мягче. – Расскажи, какой он, твой Мариус.

Эрмела подняла на меня заплаканные глаза, полные тоски. На мгновение мне показалось, что она не слышит меня, но затем, словно очнувшись, она начала говорить тихим, дрожащим голосом.

– Он... он пахнет лесом и солнцем. У него сильные руки и доброе сердце. Он умеет смешить меня, даже когда мне совсем не до смеха. Он обещал построить для нас дом у реки, где всегда поют птицы. – Ее голос зазвучал мечтательно, в нем появилась слабая надежда. – Он... он спасет меня. Я знаю.

– Ну вот, не накручивай себя. Надежда на то, что выберешься, не большая, но есть. Постарайся успокоиться и расскажи, как ты попала в плен.

Она громко шмыгнула носом, вытерла слезы рукавом платья и начала рассказывать:

– В нашей глухой деревне нет повитух. Как правило, женщины, у которых уже есть дети, помогают роженицам. Но есть и такие, кто отправляется в соседнее поселение, где есть знахарки. Но чаще всего мы справляемся сами. Тлария, моя подруга, уже четверых родила сама. Однажды она пришла ко

мне, чтобы осмотреть, положила ладонь на живот и помрачнела. “Лежит, – говорит, – твой младенец неправильно, не головкой вниз. Тяжелые роды будут, ой, тяжелые...” Я испугалась и попросила Мариуса отвезти меня к ведьме Иллари, которая живет в поместье Эрш. Я слышала, что она помогает женщинам рожать и слывет умелицей в родовспоможении. Мой любимый согласился, с учетом того, что ехать было всего неделю. Муж у меня не бедный по меркам деревенским, скопил денег. В общем-то, поэтому я его и полюбила. В нашем путешествии он старался сделать так, чтобы для меня поездка была комфортной, поэтому каждую ночь мы останавливались на постоялом дворе. В одном из таких меня и выкрали, пока мой милый Мариус осматривал комнаты, выбирал для нас гнездышко.

Я внимательно смотрела на женщину, пока она рассказывала свою историю. Мысленно поморщилась от слов о том, что эта совсем юная девушка любит мужа только из-за того, что он имеет деньги. Но это не моё дело. Меня не покидала мысль, что похищение было тщательно спланировано. Наверняка, за ними следили не один день. Убивать и грабить не стали – Мариус, скорее всего, не производил впечатление богача, сэкономил на всем. Вот и украли самое дорогое. Торговля живым товаром – вот где настоящая прибыль, и беременность не помеха. Да и девушка, чего греха таить, была на редкость хороша.

Размышляя об этом, я вдруг ощутила на себе чей-то при-

стальный взгляд. Повернувшись, замерла. За мной наблюдал тот самый незнакомец. Он смотрел серьезно, изучающе, а я, не в силах отвести взгляд, пыталась уловить знакомые черты. Мой взгляд скользил по его лицу, выискивая, и вдруг меня осенило... девушка из моих снов, словно передо мной стоял ее брат, отражение в мужском обличье. Сердце в груди бешено заколотилось, я поняла, что он – та душа, которую так сильно когда-то любил мужчина из моих снов, то есть любила я.

– Как тебя зовут? – прозвучал его голос, глубокий и бархатистый, словно раскат грома.

Глава 11. Немного тепла и света

Одриан

– Как тебя зовут? – вопрос сорвался с губ неожиданно для меня самого.

– Дре... – начала она, но тут же запнулась, исправившись, – Андрея.

Молча, не отрывая взгляда, я изучал её, убеждаясь в реальности происходящего. Как только я заглянул в ее темные глаза, я сразу понял, кто передо мной. Я встретил ту душу, что века назад проклял. Я совсем не ожидал, что когда-нибудь увижу ее вновь. С одной стороны, мне было любопытно, с другой – я опасался, не зная, чего ожидать от темной. В то же время волк в моей душе неистово шептал: "Вот она, твоя истинная. Мы нашли её! Наконец-то..." Я не понимал, как так получилось. Она – моя долгожданная родственная душа, для меня это оказалось неожиданностью. И вдруг я понял: в той далекой прошлой жизни, она была моей истинной. Невероятно, как такое возможно? Мог ли я тогда, не разобравшись, совершить ошибку? Но Дрей был злым и беспощадным, напомнил себе. Точнее, его считали таковым, а сейчас я сам, в моем мире, являюсь отражением его.

Девушка вопрошающе смотрела на меня, явно ожидая

продолжения разговора, а я не знал, что сказать, поэтому лишь произнес:

– Хорошо, – и отъехал от повозки. Мне нужно было все обдумать.

– "Куда ты? – взревел волк в сознании. – Мы должны её спасти!"

– "Позже."

– "Зачем? Она...", – было продолжил мой зверь, но я оборвал его коротким "тихо". Впервые за всю свою жизнь я послушался своего волка. Тот явно обидевшись ушел в глубь сознания. Но мне действительно нужно было время, чтобы разобраться.

Бросив взгляд на телегу, я увидел, как девушка снова обняла беременную женщину, она продолжила утешать ее. Перевёл взгляд на вереницу повозок и лошадей, оценивая их количество. Семь телег, каждую охраняют не менее пяти человек, шансы справиться были, но перевес все же на стороне работорговцев. Размышляя я решил, что время у меня еще есть, мне нужно понаблюдать: за девушкой, за этими людьми, за своим волком. Впервые он подталкивал меня к столь необдуманным действиям. У него была лишь одна цель – истинная, и всё остальное не имело значения. Я понимал и разделял его чувство, ведь я встретил ту, к кому так тянуло, ту, к которой взгляд невольно возвращался. Но...

– "Одриан, истинная." – шептал волк, поняв направление моих мыслей.

–”Я не вижу смысла торопиться. Луноликая сказала, что у меня есть две недели, чтобы привести ее в Грамм.” – убеждал я своего зверя.

Я прибыл в этот мир лишь прошлым вечером и сразу же наткнулись на караван работоторговцев. Ночью на мой вой вышел один из них. Каково было мое удивление когда я ощутил аромат моей пары на этом слизняке. Не раздумывая, я расправился с ним, забрал его одежду и влился в их строй. Утром, по запаху определил на каком коне он ехал, и без сожаления присвоил его себе. Я понимал, что вряд ли этот сброд вообще заметит подмену. Я знал, что у вожаков таких свор, как эта, одна цель – нажива, поэтому разоблачения я не боялся. И снова мой взгляд переместился на девушку. Произнося свое имя, она солгала мне. Почему? В этой моей жизни меня зовут Одриан, в той – Одри. Наверняка, и у нее имя осталось таким же. Я бы назвал ее Дрейей. Единственным разумным объяснением того, что она не сказала правду, это то, что, как и я она помнит свою прошлую жизнь. Предположим, что это так, но что меня совсем смущало, это то, что она находилась в плену. Помня силу Дрейя, а скорее всего она осталась при ней, девушка могла воспользоваться своей тьмой и освободиться. Тогда почему? Вопросов было много. Смогу ли я получить на них ответы быстро и легко? Вряд ли. Она даже с именем соврала.

Я двинулся вдоль колонны, стараясь держаться в тени повозок. Мне было необходимо оставаться незамеченным, что-

бы наблюдать за всем происходящим: за людьми, за Дрейей, за ее действиями.

Весь день я слушал, чувствовал и наблюдал, видел, как она общается с беременной женщиной, делится скудным пайком, утешает. В ее движениях не было ни страха, ни отчаяния, лишь тихая решимость. Ее темные глаза внимательно следили за каждым работником, словно она выискивала слабое место. Планирует побег?

К вечеру, прислушиваясь к разговорам людей, понял, что на ночь мы останавливаться не будем, и прибудем в город к утру. Ехать всю ночь на лошади – изнурительно, лучше пересест на телегу, так и к Дрейи буду ближе, решил я. Пришпорив коня, я обогнал повозку. Спешился. Подождал когда телега с клеткой в которой находилась Дрейя приблизится, запрыгнул на нее. Подозвав лошадь, привязал ее к одному из прутьев решетки. Теперь можно отдохнуть. Я сел, опершись на борт телеги. Ночь тянулась мучительно долго. Я снова посмотрел на Дрейю, казалось, что она спит, свернувшись калачиком рядом с беременной женщиной. Но я чувствовал, как ее тело напряжено, как она настороженно прислушивается к каждому шороху. Ничего, еще немного и я обязательно тебя освобожу. Прикрыв глаза, под мерное покачивание телеги, я задремал. Во сне я видел нас.

– Одри, иди ко мне, – шептал голос, маня.

Я замер перед глухой дверью, пытаюсь различить вкрадчивый тембр. Мужской? Женский? Не важно. В нем звучала такая отчаянная мольба, что она проникала под кожу, обжигая.

Толкнув дверь, я вошла, вновь ощущая себя той, которая некогда прокляла могущественного темного правителя. Комната тонула в полумраке. На кровати, словно изваяние, застыла девушка в маске. Но видение поплыло, исказилось, и на ее месте возник он – Дрей. Он протянул ко мне руки, и его голос, приглушенный, но все так же полный мольбы, прошептал:

– Одри, иди ко мне...

Ноги сами понесли меня к нему, и я оказалась в объятиях того, кто причинял мне столько мучений.

Слова сорвались с губ, неподвластные моей воле:

– Чем я могу тебе помочь?

Я почувствовала, как его объятия становятся крепче, как его дыхание, едва касаясь моих волос, обжигает тихим шепотом:

– Немного твоего тепла и света, Одри...

Мгновение – и мы уже не тела, не плоть и кровь, а два светящихся огонька, танцующих в полумраке. Нет больше физической оболочки, лишь чистые души. Мне было так тепло

и уютно. Все так как должно быть, на своих местах.

Громкие крики: "Накрыть повозки!" – вырвали из забытья. Впереди замаячили дома – первые предвестники поселения. Я понял: работоторговцы, желая подогреть интерес местных, собирались скрыть "товар" перед въездом. Перевел взгляд на девушку, припомнил имя, которое она мне назвала. Андрея. "Хорошо, пусть будет Андрея," – мелькнуло в голове.

Она тоже смотрела на меня. В глазах – ни страха, ни мольбы, мне казалось, что в них лишь дерзкий вызов: "Осмелишься ли подойти? Быть со мной?" Остатки сновидений еще витали в сознании, и губы сами собой тронула улыбка. Да, я хотел быть рядом со своей парой, разобраться в хитро-сплетениях прошлого и понять эту "темную" душу. Моя собственная душа за века преобразилась до неузнаваемости, набралась опыта в каждой жизни. Несомненно, и ее коснулись перемены. Я жаждал узнать ее. Хватит бежать. Едва слышное одобрителное урчание моего волка прозвучало как благословение. Резкий толчок в плечо вернул меня к действительности. Здоровенный детина с багровым лицом и сальными волосами прорычал:

– Эй, живее двигай костями! Повозку накрывать кому? – Он ткнул пальцем в грязный полог, валявшийся у моих ног.

Я бросил на него равнодушный взгляд и ухватился за край ткани. Вся эта суeta казалась фарсом. Зачем прятать то, что скоро выставят на всеобщее обозрение? Впрочем, логика работорговцев никогда не отличалась изысканностью.

Спустя пол часа мы въехали во двор, огороженный высоким частоколом.

Глава. 13. Я не позволю надругаться

Дрейя

Телега перестала двигаться, и уже как полчаса стояла, но из-за того, что нас накрыли каким-то материалом, который не пропускала свет, и воздух, я не знала, что происходит снаружи. Лишь иногда будто бы где-то вдалеке слышались какие-то голоса. Находясь под тканью, в клетке перестало хватать воздуха, стало душно, а от куртки незнакомца пахло мягко говоря неприятно, поэтому я стянула ее с себя. И сейчас стараясь как можно меньше двигаться, в крошечной тьме, я предавалась воспоминаниям о детстве, таким образом успокаивая себя. Вспомнила как бабуля рассказывала, как она впервые увидела меня, подкинутую в лесу. Маленький кричащий на всю округу сверток лежал под огромным дубом и звал на помощь, желая жить в этом мире. В такие моменты на лице бабушки появлялась печаль, она не понимала людей, которые бросают своих детей. Но следом ее лицо преображалось улыбкой, она говорила о том, что, когда нашла меня, то первое, что увидела это пару темных глаз, смотрящих на нее с вызовом. Они как бы говорили: “А ты, баб-

ка, осмелишься меня приютить или тоже бросишь?” Ведьма осмелилась не только приютить, но и полюбить. На моих губах появилась улыбка, я тоже обожала ту, что стала мне родителем. А еще я любила Илларию, мою названную сестренку. Живя с ней, мы делили на двоих все: запахи сушеных бабушкиных трав, учась варить зелья, жар очага на кухне, уход за животными и растениями. Иллариия обладала даром, редким и драгоценным – умением видеть что-то хорошее в каждом существе. На первый взгляд – лед и неприступность, гордая осанка, взгляд, словно пронзающий насквозь. Но стоило попросить ее о помощи, как маска таяла, обнажая сердце, полное сострадания. Это не значит, что она везде и всех жалела, нет. Иногда, чтобы вырвать человека из омута отчаяния, она могла говорить хлестко. Но в каждом ее действии, в каждом взгляде сквозила неподдельная любовь к миру. Никогда никого не осуждала и старалась помочь всем деревенским. Она целительница, врачевала не только телесные раны, но и душевные. К ней шли за советом, за утешением, за надеждой. Она находила слова для каждого, дарила тепло и понимание. В деревне ее любили и уважали, считали ангелом-хранителем. А для меня она была не просто сестрой, а лучшей подругой, наставницей, путеводной звездой. Воспоминания о бабушке и Иллариии согревали меня, давали силы двигаться вперед. Я знала, что должна быть сильной, как они. Я должна сохранить в себе ту доброту и любовь, которой они меня научили.

Скрип ржавых петель вернул меня из воспоминаний. Дверь клетки отворилась. Вошли работорговцы и скомандовали всем выходить. Толкаясь женщины пошли на выход, я же остановилась у Эрмелы. Та согнувшись сидела неподвижно. Коснувшись ее плеча, произнесла:

– Идем.

Девушка подняла на меня заплаканное лицо:

– Я не хочу. Лучше бы я просто умерла.

– Не говори глупостей, – я подхватила Эрмелу под локоть и заставила встать. – Не все еще потеряно, ну же идем. – Эрмела не хотя поднялась. Но не успели мы дойти до конца клетки, как к нам заглянул один из работорговцев:

– Ну что вы еле телитесь. – он схватил Эрмелу за руку и резко потянул, я следом выскочила наружу.

Солнце ударило по глазам. Оглядевшись увидела несколько покосившихся сараев, в них заходили пленники. В один из них только женщины, но не успела я потянуть Эрмелу в ту сторону как услышала:

– Эээ нет, таким как вы, клушам, я придумал наказание за то, что вовремя не вышли из клетки. Учить вас надо, курицы, повиноваться! А то какие из вас рабы! – детина вытащивший нас громко загоготал и толкнул в сторону одного из сараев. Крепко держа Эрмелу за руку, мы вошли вовнутрь. Здесь царил удушающий смрад сырой земли и гнили. Сквозь кривые доски пробивался свет, но лучше он не делал это помещение. Почти все пространство сарая занимала клетка, а

в ней скучковавшись толпа грязных мужиков.

– Шевелитесь! – слышался крик позади, и меня толкнули, я буквально влетела в эту клетку.

Вслед за мной втолкнули и Эрмелу. Десяток мужиков уставились на нас. Мерзко хохотнув, детина закрыл дверь и вышел из сарая. Схватив подругу за дрожащую руку, я повела её в угол, усаживая на гнилую, прелую солому. Ее бил мелкая дрожь. Она смотрела на мужиков, которые устроились напротив нас. Мы в одной клетке с этим отребьем. Можно и не гадать, что будет дальше. Как я и ожидала, мужики зашептались, обмениваясь гнусными взглядами, а потом разразились грубым хохотом. Один из них отделился от группы и, ослабившись, произнес:

– Голодно тут, мужики! Но, похоже, удача нам улыбнулась. Гляньте, какие лакомые кусочки! Особенно та, с животиком.

Волна отвращения пронзила меня. Я медленно поднялась, чувствуя, как внутри закипает гнев.

В ответ снова раздался мерзкий хохот, а следом – сальные слова:

– Ооо, хочешь быть первой, страшилка? Мне плевать на твою рожу, маску и снимать не стану. Зато фигурка – что надо!

Меня охватила злость:

– Лучше бы вам всем заткнуться и прижаться к противоположной стене, чтобы я вас не видела, – произнесла я спо-

койно, в голосе звучала сталь.

Громкий, противный смех вновь наполнил помещение.

– Какая дерзкая, мне по вкусу, – его гадкие глазки буквально ощупывали меня.

Я шумно выдохнула:

– Видит Всевышний, я этого не хотела, но и позволить надругаться над собой и этой женщиной не могу. Пусть лучше тьма поглотит меня... – прошептала я, призывая свою силу. Огромный магический меч, сотканный из теней, возник в моих руках. Тёмная магия окутывала, ласкала, успокаивала... Как же давно я её не ощущала в полной мере! Направив лезвие на ухмыляющегося мужлана, я произнесла:

– Убью без сожаления.

Но не успела я сделать и шага, как мужчина рухнул замертво, словно подкошенный.

Глава 14. Меня зовут Одриан

Дрейя

Посмотрев на дверной проем сарая я увидела того зеленоглазого. Войдя и прикрыв дверь за собой он громко протянул:

– Ребятунки... Товар не портить! Эти девочки стоят больше, чем все вы, вместе взятые. – В этот момент в глубине его зрачков сверкнул хищный желтый огонь. Пара шагов и он уже стоял у клетки. – Дорогуша, – промурлыкал он одному из пленных и вытащил из голенища сапога кинжал. Лезвие в тусклом свете солнечных лучей зловеще сверкнуло, когда он небрежно заиграл им между пальцев. – Будь добр, подай мне моё оружие. Предупреждаю, – произнес он спокойно, продолжая играть с кинжалом. Казалось, он был расслаблен, но достаточно было одного взгляда, чтобы понять: этот человек убьет без малейшего колебания. – Я сильнее и быстрее тебя. Одно неверное движение – и ты будешь лежать рядом. – Он кивнул на мертвого мужика. – Поверьте, ребята, – незнакомец обвел всех тяжелым взглядом, – у меня ножичков на всех хватит, – ухмыляясь произнес он. В глазах пленного, пригвожденного взглядом зеленоглазого, плескался первобытный ужас. Он нутром чувствовал, что может разделить

участь своего убитого сокамерника, встретив лезвие кинжала в сердце. Поэтому он безропотно подошел к мертвому телу и присел на корточки.

Я замороженно наблюдала, как мужик неспешно вытащил нож из шеи пленника, медленно выпрямился и, сделав пару шагов, протянул его хозяину. А в следующее мгновение зеленоглазый уже крепко держал его за локоть. Невероятная скорость. Вторую руку он просунул сквозь решетку, забрал нож и небрежно вытер его о рукав мужика.

– Благодарю, – прозвучала холодная усмешка. – Свободен.

Мужик поспешно отшатнулся к своим сокамерникам. Зеленоглазый посмотрел на меня. Я ожидала обнаружить в его глазах ненависть, ведь он увидел мою темную магию, но я ошиблась. Взгляд был лишь серьезен, без тени вражды.

– Меч можешь убрать, Д... – запнулся он, словно имя застряло в горле, – Андрея.

Я и позабыла, что вокруг меня клубится тьма, очнувшись, поспешно скрыла ее. Зеленоглазый наблюдал за мной со странным, изучающим интересом, словно я была какой-то редкостью. Я же, в свою очередь, тоже не могла отвести взгляда.

Послышался громкий всхлип, обернувшись, я увидела Эрмелу. В ее глазах плескался не просто страх, а первобытный ужас.

– Ты...т.. темная, – заикаясь прошептала она.

– Да, – тихо ответила я. – Но не бойся меня. Я не причиню

тебе зла.

– Нет... ты – темная, – завопила она, в голосе звучала непоколебимая уверенность, перемешанная с отвращением.

Я попыталась подойти к ней, но Эрмела отшатнулась, прижавшись спиной к решетке. Ее взгляд блуждал по моему лицу, дрожащий подбородок выдавал внутреннюю борьбу. Вся ее поза кричала о желании бежать, скрыться, раствориться в темноте, лишь бы не видеть меня. Я вздохнула, понимая, что сейчас мои слова бесполезны. Страх – это то, что может затуманить разум и заставить видеть врага даже в друге. Сжав губы от горького сожаления, я поняла, что ее не переубедить. Для нее я – воплощенное зло. Не оставалось ничего, кроме того, как отойти в противоположный угол от девушки и сесть там. Навалившись одним боком на холодную решетку, а другим на шершавую стену, постаралась устроиться как можно удобнее, пытаясь ни накого не обращать внимания. Достала из сумки потертый дневник и магическое перо. Мне казалось, что если хоть раз подниму глаза на зеленоглазого незнакомца, прочту там презрение, в лучшем случае – брезгливость. Если не сразу, то сейчас до него непременно должно дойти, кто я такая. Раскрыв дневник так, чтобы хоть слабый лучик света коснулся исписанных страниц, я прикрыла глаза, пытаясь уловить ускользающие обрывки собственных чувств, чтобы потом излить их на бумагу. Но не успела я погрузиться в свои мысли, как почувствовала: кто-то опустил на пол по ту сторону решетки и коснулся

моего плеча. Вздрогнув, я медленно открыла глаза и тут же невольно зажмурилась. Одного мимолетного взгляда хватило, чтобы понять – рядом сидит зеленоглазый. Оцепенев, я сидела так, кажется, целую вечность. Сердце в груди бешено колотилось, дыхание сбилось. Не ожидая от себя такой бурной реакции, я пыталась совладать с собой и одновременно понимала, что нужно отодвинуться.

Открыв глаза, я уже собиралась отползти влево, когда услышала тихое, почти неслышное:

– Останься. Пожалуйста.

Я замерла, ожидая продолжения того, что он скажет. Ожидала жестокости и неприязни, но он снова удивил меня, произнес:

– Я совсем забыл представиться, меня Одриан зовут.

Тон его голоса был ровным, без тени насмешки или угрозы. И все же я не двигалась, словно парализованная этой странной просьбой. Остаться? Почему? Зачем ему это?

Глава 15. Я спасу тебя

Дрейя

Растерянность сковала меня. Подавив порыв отползти, я ощущала его тепло. Мысли путались в голове. После того как он увидел мою тьму, Одриан попросил остаться рядом. Я же наоборот предполагала, что он захочет меня убить. А он защитил. Если бы не он, моя темная магия могла вырваться из-под контроля, поглотить чужую душу и в конечном итоге погубить меня саму.

– Спасибо, – произнесла я.

– За что благодаришь? За то, что назвал тебе свое имя? – Одриан усмехнулся.

– Нет, – сдержанно ответила я, стараясь не выдать охватившее меня смятение, – за то, что вступился за нас.

Я почувствовала, что он кивнул:

– Напомни мне, пожалуйста, как тебя зовут?

– Андрея, – произнесла я спокойно. Неужели он забыл? Вот только мне показалось или я уловила в его тоне усмешку, и вопрос был с подвохом?

– Хорошо, Андрея, скажи, а ты ведь могла сама их убить? Насколько я понимаю, для тебя это не проблема уничтожить здесь всех. Почему тогда ты за решеткой? – я почувствовала,

как он напрягся, ожидая ответа.

Что я могла на это ответить? Все слишком сложно и объяснять я не хотела, поэтому промолчала. Повисла гнетущая тишина, даже мужики в углу притихли, а Эрмела перестала всхлипывать. Набравшись смелости, я посмотрела на Одриана.

Он сидел, прикрыв глаза, глубоко дыша, словно каждый вдох давался ему с огромным трудом. Неожиданно уголки его губ дрогнули, на лице появилась едва заметная улыбка. Он открыл глаза. Для меня оказалось неожиданностью то, что его глаза были желтыми. И сейчас, сидя в темноте, казалось, что они излучали мягкий неяркий свет. Никогда такого не видела. Засмотревшись, я и не поняла, когда он успел перевести свой взгляд на меня.

– Ты так рассматриваешь меня. Я тебе нравлюсь? – спросил он.

Опешив от его внезапного вопроса, мои губы сами собой приоткрылись в немом изумлении. Этот мужчина сбивал с толку и вводил в ступор.

Одриан тихо рассмеялся, а я, наконец придя в себя, стараясь не выдавать своих эмоций, опустила голову и впилась взглядом в раскрытый дневник, пытаюсь скрыть смятение.

– Я оборотень, Андрея. Слышала о таких?

– Нет, – пробормотала я, бессмысленно разглядывая ровные строчки на страницах, тщетно пытаюсь понять, что происходит.

– А о богине Луноликой что-нибудь знаешь? – в его голосе слышались насмешливые нотки.

– Конечно, – сухо ответила я, гадая, куда он клонит. Снова взглянула на него. Его взгляд, острый и хищный, скользнул мимо меня, устремившись в темный угол, где жались мужики.

– Ааандреея, – произнес он, растягивая буквы, – однажды богиня Лунолика одарила меня зверем – волком, – голос Одриана зазвучал глухо и властно. – И я стал сильнее, выносливее... – последнее слово сорвалось с его губ одновременно с тем, как в его руке возник кинжал. – Стал более ловким. – Я едва успела моргнуть, когда поняла, что кинжал уже не у Одриана в руках, а торчит в горле из мужиков в углу.

Дать вводные про нож у заключённых.когда Дрейя стояла с мечом сказать, что заметила у одного из заключенных кинжал.

Тихий всхлип, приглушенный лязг упавшего на пол ржавого ножа... (полная хрень, пепеписать) Только тогда я осознала: этот мерзавец собирался метнуть его в Одриана.

– Но знаешь, что самое главное? – продолжил он как ни в чем не бывало.

– Что? – выдохнула я, не в силах отвести взгляд от тела в углу.

– Самое главное – я чувствую ложь. И твой страх. Ты боишься не меня, Андрея. Ты боишься себя. Своей силы. И то, что ты скрываешь свое имя, лишь подтверждает мои слова.

Я вздрогнула(?) Как он узнал про имя? Неужели он знает, кто я такая? Вслед за этими вопросами в голове возникли мысли, которые мне совсем не понравились. Неужели он помнит ту нашу прошлую жизнь также, как я?

– Я не знаю по какой причине ты здесь находишься, – продолжил Одриан, – и почему ты не пользуешься своей силой, но я спасу тебя, вытащу отсюда, Дрейя.

В очередной раз перевела взгляд на Одриана, пытаюсь понять его. Спасти меня? Звучало абсурдно. Поэтому я выпалила, словно бросая вызов:

– И Эрмелу.

Усмехнувшись, он кивнул:

– Ответь мне хотя бы на один вопрос, Дрейя. Ты не можешь пользоваться своей магией, правильно я понимаю?

Я на мгновение задумалась, взвешивая слова, а потом решила, что терять мне нечего:

– Мне нежелательно ею пользоваться.

– Если спрошу, почему, ответишь?

Я отрицательно покачала головой – не видела смысла рассказывать о себе.

Одриан хмыкнул:

– Так и знал, что не получу ответа. Ладно, надо придумать, как вас отсюда вытащить, – он вздохнул. – У меня нет ключей от этой клетки, но я не хочу оставлять тебя здесь одну, пока буду искать их. Он снова посмотрел на мужиков в углу, а я смотрела на него и все больше и больше переставала его

понимать. Почему он здесь? Он должен бежать в противоположную от меня сторону! Почему хочет спасти?

– Почему? – спросила я вслух. – Почему ты хочешь спасти меня? (переписать)

– Потому что ты... – Одриан не успел договорить, так как за дверью послышался шум, и в сарай ворвался один из работорговцев – толстый, потный тип с сальными волосами и кривой ухмылкой.

– Ну чего расселись, девки? Пора показать товар лицом! Закрыв дневник, я быстро спрятала его во внутренний карман юбки.

Мужик распахнул дверь клетки, указал на меня, Эрмелу и еще троих мужчин.

– Но мы не девки, – послышалось позади меня, и громила разразился грубым хохотом. – Да ладно, а так похожи!

– А ты, – я почувствовала его сальные ладони у себя на плечах, – пойдешь последней. Хочу полюбоваться тобой. – Его ладонь скользнула ниже, обхватила мои бедра и сильно сжала. – Фигурка что надо, хоть и проклятая. Наслажусь тобой сегодня ночью, если не купят. Хотя такие, как ты, проклятые, вряд ли кому-то нужны, так что ты еще долго будешь греть мою постель. – И он снова захохотал.

Она посмотрела на Одриана, одриан отрицательно покачал головой, давая понять, что не время для борьбы. Я так и знала, что он не заступится за меня. Отчего – то мне стало обидно.

Во мне все похолодело. Что лучше: потерять себя во тьме, убив этого мерзавца, или позволить ему надругаться надо мной? От этой мысли в носу защипало, и мне вдруг стало нестерпимо жаль себя.

Глава 16. Бежим!

Одриан

Мы вышли на залитую солнцем базарную площадь, бурлящую людским муравейником. Пленников, предназначенных для торгов, погнали к помосту, возвышавшемуся над толпой. На него, под оглушительный вой и улюлюканье толпы, взобрался тучный мужчина с лоснящимся, холеным лицом и надменным взглядом.

– Приветствую вас, добрые люди! – провозгласил он, растягивая губы в приторной, фальшивой улыбке, обнажившей хищный оскал. – Сегодня у вас есть уникальная возможность приобрести ценный товар! Молодые, здоровые, сильные... Лучшие рабы со всех уголков света! – Он обвел рабов оценивающим, циничным взглядом.

Злость заклокотала во мне еще сильнее, а волк внутри, безумный и жаждущий крови, рвался на свободу, стремясь вырвать контроль.

– "Я не позволю никому коснуться моей пары! Моей истинной!" – яростно рычал он, требуя уничтожения, и я, понимая, что так просто двух женщин не спасти, почти разделял его жажду. Вот только чего мы добьемся убив нескольких? Сможем ли выбраться отсюда живыми? Я не был уве-

рен, но одно я знал наверняка: времени оставалось катастрофически мало. Нужно действовать. Подстегивал и страх Дрейи, который я явно ощущал. Оглядываясь по сторонам, я пытался придумать план. Я обязательно должен спасти Дрейю и Эрмелу.

На помосте начались торги. Первым на продажу выставили тщедушного мужичка, расписывая его несуществующие достоинства и выносливость. Сначала в толпе царило молчание, никто не спешил делать ставки, но вдруг один из зевак, с блеском в глазах, выкрикнул:

– Я возьму! Я! Такой тощий везде пролезет, в любую щель залезет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.